

**ВЛАДИМИР
ВЕСЕННИЙ**

**РЕЛИКВИЯ
ВИКИНГОВ**

Владимир Весенний

Реликвия Викингов

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6371085

Аннотация

В руки молдавского господаря Штефана чел Маре попадает удивительная вещь – череп, выполненный из горного хрусталя, привезенный из Америки предшественником Колумба Эриком Храбрым. Дурацкая статья о некоей «реликвии», придуманной Вениамином, чтобы воспротивиться беспробудной серости будней, объявляется гениальной и становится идеей-фикс для «буйных вожаков» новой молдавской империи. Фантазии, изложенные в ней – историческим открытием. Обладатель «волшебной силы» становился несокрушимым в битвах и удачлив в делах. Поэтому для успешного руководства страной нужны череп и его хрустальные яйца. Абсурдные идеи как нельзя лучше вписываются в сумасшествие момента, с безумными в своей бредовости националистическими лозунгами с нацистским уклоном, насильственной романизацией республики, поразительно настойчивым рьяным стремлением очередного «малого народа» приравнять себя непременно к «великим народам». Немыслимый фарс приобретает сходность черт в череде придуманных и действительных событий, создавая параллельность и сходство химеричности и действительности.

Владимир Весенний

Реликвия Викингов

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Младший сержант Венедикт Скутельник вдвоем с товарищем катит сани по заснеженному полю. На санях этих боком уложен огромный металлический сейф. Товарищ тащит сани за веревку, а Венедикт, упершись руками в днище железного чудища, толкает сзади. Кирзовые сапоги и полозья хрустят по снегу. Бушлаты нараспашку. Шапки с кокардами на затылках. Из ртов пар.

Впереди пригорок. К вершине пригорка катить становится тяжелее. Осталась немного, а не идут сани – встали. Привалился Венедикт к сейфу плечом, толкает, что есть мочи. Да только сапогами по снегу вхолостую елозит. Уже и шапку потерял, и шея болит, и под ногами целый сугроб образовался – стоят сани с сейфом, как вкопанные. Кто-то сзади треплет Венедикта за плечо. Не оборачиваясь, отмахивается Венедикт, злится, что мешают сейф на горку заталкивать. Од-

нако трясут за плечо так, что младший сержант просыпается и видит перед собой дневального со штык-ножом на ремне. На лице дневального недоумение:

– Охренел, младшой?! – шепнул солдат.

Венедикт приподнял голову и увидел, что лежит на левом боку в синих армейских трусах, плечом подпирая матрац и одеяло с подушкой, которые затолкал к спинке кровати. Во сне голыми ступнями Венедикт активно скреб по железной сетке, заталкивая сани с сейфом на пригорок, чем привлек внимание бдительного воина.

Через секунду силуэт дневального, словно призрак, растворился в синем свете ночной лампочки под потолком. Венедикт соскочил с кровати, расправил постель и снова улегся, укрывшись с головой шерстяным одеялом. Казарма сопела, похрапывала и причмокивала шестьюдесятью глотками. Венедикт слушал какофонию звуков, ожидая возвращения сна, но сон не возвращался. Выпростав правую руку из-под одеяла, младший сержант покрутил ею так, чтобы в неверном свете различить цифры и стрелки на циферблате наручных часов. До пробудки оставалось сорок минут. Можно поваляться, послушать залиvistые соловьиные трели из рощи за окном. Но роща за окном молчала. Молчали птицы неспроста. Пять дней назад рядовой Федоров, неся ночную караульную службу на дозорной вышке, сильно затосковал по родной деревне Борщи, что в Воронежской области. Затосковал по невесте своей Ирке Шаровой, которая

уже целый год не слала ему писем. «Загуляла», – лезло в голову караульному Федорову. От недобрых предположений захотелось ему выпить первача домашней выгонки, да закусьить горбушкой ржаного хлеба с салом. Вспомнилось караульному, как миловались с Иркой в лопухах, а злобные комары терзали голые ягодицы. Вспомнилось, как до рассветной зорьки соловьев слушали на скамеечке под кустами белой сирени, как дух ее дурманил голову шальными мыслями о женитьбе после демобилизации из вооруженных сил советской армии. Слушал рядовой Федоров в ночи предательские переливы из рощи по другую сторону колючей проволоки, отделявшую воинскую часть от внешних посягательств не дремлющего врага, и тоска его не унималась. Для избавления от душевного надрыва снял караульный с плеча табельный СКС, дослал патрон в патронник и пальнул в ликующую безмятежным пением рощу; в круглую и румяную, с блядским прищуром морду Ирки...

Рядового Федорова отправили на «губу», а соловьи с той ночи замолчали.

Младший сержант сладко потянулся. Хорошо ему было думать, как после демобилизации его отправят домой. Но по неписаному закону, который установил командир части полковник Муромцев, путь к свободе воина, честно отдавшего долг Родине, лежал через «аккордные» работы. Почему работы называли «аккордными» Венедикт не знал.

«Аккордом» ему лично досталось рытье траншеи близ

двухэтажного здания столовой. Цель работ очень обще сформулировал командир роты капитан Пелепчук: «Для осуществления вспомоществования...»

Это самое «вспомоществование» Скутельник осуществлял вторую неделю. Он терпеливо ждал «своего часа», не принимая участия в жизни роты. Его не заставляли выбегать по утрам на зарядку, не заставляли посещать установленные расписанием занятия, освободили от строевой шагистики и от боевых дежурств. В столовую он являлся по собственному распоряжению. Мог бы не отдавать честь встречным «прапорам» и младшим офицерам (нет у них управы на «оборзевшего дембеля»). Но, приученный к дисциплине, вскидывал младший сержант правую руку к виску ладонью вниз при виде старшего по званию, понимая, что хоть и плевали они на него и его честь, как и он на них и их субординацию, а все же порядок есть порядок.

Венедикт откинул одеяло и рывком встал с «пискнувшей» койки. День начался...

Сколько времени ему предстояло «осуществлять вспомоществование» – ведал бог и командир Муромцев. Оба держали младшего сержанта в гнетущем неведении, потому что божественный и командирский промысел решил вмешаться ангел-хранитель Венедикта, которому надоело торчать под открытым небом и палящим солнцем и наблюдать, как мается с лопатой его подопечный. Ангел пригнал к траншее старшего лейтенанта Бубулича.

В этот майский день товарищ старший лейтенант исполнял обязанности дежурного по части. О Бубуличе Венедикт знал, что родом тот из Молдавии, что женат и что по возрасту ему давно надлежало ходить в чине майора или даже подполковника. Но как полтора года назад, когда после «учебки» Венедикта командировали в Ржевский корпус для прохождения службы, Бубулич ходил «старлеем», так с тех пор на его погонах звезд не прибавилось.

Поскрипывая портупеей, с красной повязкой дежурного на левом рукаве Бубулич взял под козырек форменной фуражки и встал на краю траншеи.

– Копаешь? – спросил старший лейтенант Венедикта.

Скутельник выпрямил голый торс: – Копаю, – согласился он и вытер тыльной стороной ладони лоб от пота.

– Лопатой? – продолжил дельный разговор дежурный по части.

Венедикт перевернул шанцевый инструмент черенком вниз и пощупал указательным пальцем лезвие: – Точно – лопатой.

– Ты-то мне и нужен! – объявил офицер. – Пойдем, тут не далеко, – позвал он, и, не дожидаясь ответа, бодро зашагал к высокому зеленому забору на задворках столовой. Младший сержант без спешки выбрался из траншеи, закинул лопату на плечо и побрел вслед за дежурным. Он остановился вровень со старшим лейтенантом, который с просветленным лицом, заложив руки за спину и расставив ноги, в вычищенных до

блеска хромовых сапогах, с минуту мечтательно молчал, глядя на забор. Венедикт не мешал полету мысли начальника.

– Видишь этот забор? – наконец заговорил старший лейтенант.

– Вижу, – отозвался Венедикт.

– Тропинку от забора, что ведет вокруг столовой, тоже видишь?

– Тоже вижу.

– Так вот. В этом месте каждое утро товарищи прапорщики, чтобы не опоздать к разводу на плацу, срезают дорогу и прыгают через забор. Мы же, – старший лейтенант многозначительно поднял левую бровь, – здесь выроем глубокую яму, – указательным пальцем он ткнул туда, где надо рыть, – вкопаем колья и замаскируем их ветками и листвой. А утром товарищи прапорщики полезут на забор, спрыгнут с него и попадут в яму яйцами прямо на колья!

Дежурный по части радостно улыбнулся и оскалил ядреные, как у осла зубы.

– Приступай! – скомандовал он. – Через час проверю.

Венедикт с иронией смотрел вслед Бубуличу, и пока тот не скрылся за углом столовой, надеялся, что офицер вернется, и они оба посмеются над шуткой. Но дежурный не возвращался. Младший сержант поплевал на ладони и неохотно принялся рыть яму. За этим занятием его застал командир части Муромцев. В сопровождении замполита майора Чусовлянова и зампотылу майора Мейера командир обходил

окрест, выискивая непорядки.

– Ты чего тут роешь? – удивился командир Муромцев своим зычным командирским голосом.

Младший сержант, опершись руками о черенок лопаты, принялся излагать затею дежурного по части. Чем ближе к концу подвигался рассказ, тем сильнее хмурилось и багровело лицо командира Муромцева. Его замы, глядя на начальника, тоже хмурили брови, но едва сдерживали расправивший их хохот.

– Позвать сюда этого, – командир секунду мысленно подбирал подходящий эпитет, но на языке вертелась одна только похабщина, – Бубулича!!!

Кроме младшего сержанта послать за дежурным по части оказалось некого. Но в расхлестанном виде, в коем пребывал Венедикт, полковник Муромцев не мог отправить бойца на выполнение командирского поручения.

– Ступай в столовую и отошли от моего имени за Бубуличем первого, кого встретишь.

Появление военного с голым торсом, в вымазанных су-глинком кирзовых сапогах и линялых брюках в кухне на вылизанном до блеска кафеле прапорщик Копылов, в ведении коего находился весь пищеблок, встретил угрюмым взглядом и закономерным вопросом:

– Ты что, падла, совсем ох...л?!

Полтора года назад вопрос товарища прапорщика застал бы Венедикта врасплох. Но не теперь. Не моргнув глазом, он

отчеканил:

– Именем командира части приказываю вам, товарищ прапорщик, разыскать дежурного по части старшего лейтенанта Бубулича и направить его в распоряжение полковника Муромцева, с целью ликвидации образовавшейся у забора ямы, где по оперативным сведениям завтра перед утренним разводом товарищи прапорщики должны оставить на частокоче свои яйца.

Прапорщик Копылов вытаращился на Скутельника.

– Ну-ка, дыхни, – наклонился он к вестовому.

Венедикт коротко выдохнул в мясистый нос прапорщика. Тот шевельнул мохнатыми усами, озадаченно крякнул, потом озорно подмигнул и вынес вердикт:

– Иди ты, Скутельник, вместе с командиром части и со своими дембельскими шуточками к едрёной матери!

– Ну, что? Послал?! – нетерпеливо спросил полковник Муромцев Венедикта, когда тот вернулся.

– Так точно! Товарищ прапорщик послал вас к едрёной матери!

Разъяренным носорогом командир вломился в заднюю дверь столовой. Встревоженные замы поспешили за ним. Дверь на тугой пружине троекратно хлопнула...

Сюжет намечающейся драмы было нетрудно предугадать. Венедикт предусмотрительно передислоцировался в курилку. Оттуда, скрытый деревянной решеткой беседки, наблюдал он, как бешеным галопом, придерживая фуражку на го-

лове и цокая по асфальту каблуками хромовых сапог, несется в дежурную часть обезумевший от страха прапорщик Копылов. Вскоре Бубулич вслед за «прапором» ретиво мчится в отеческие объятия командира Муромцева.

– Чего они? Голую бабу в столовой обнаружили? – поинтересовался сидящий на лавке ефрейтор с дымящейся «примой» в зубах.

– Бубулич за внеочередным воинским званием к «Муромцу» спешит, – ответил некурящий Венедикт.

После обеда дневальный позвал Скутельника в канцелярию. В канцелярии капитан Пелепчук, худощавый и сутулый, не вставая из-за стола и продолжая простым карандашом чертить в общей тетради линии вдоль пластмассовой линейки, сказал:

– Повезло тебе, Веня, с этим чудачком через букву «м» Бубуличем, – ротный усмехнулся. – Командир приказал к завтрашнему дню, чтобы духу твоего в части не было.

Скутельник просиял.

– Чем на гражданке займешься? – поинтересовался Пелепчук.

– Трахензидойчем.

– Это само собой, а после?

– И после тоже.

– Свободен.

В последнюю ночь на воинской службе Венедикт лежал на койке с открытыми глазами и думал над словами капитана

Пелепчука. Чем займешься? Вопрос этот и раньше волновал его. В голову лезли всяческие фантазии. Идти учителем, по полученной в институте специальности, не лежала душа. Хотелось посмотреть страну, мир. Податься на рыболовецкое или торговое судно радистом?! Стучать ключом и принимать радиogramмы на боевых дежурствах его натаскали за время службы. Уехать в тайгу, устроиться к промысловикам, скажем, в охотничье хозяйство, или еще куда. Еще хотелось воплотить давнюю мечту детства – научиться играть на гитаре или пианино, обучиться музыкальной грамоте и записывать мелодии, что крутятся в голове, а на эти мелодии перекладывать стихи собственного сочинения, которыми исписаны тетради.

Венедикт с удовольствием думал, что перед ним открывается весь мир. Куда хочешь – туда иди. Занимайся, чем нравится. Он вспомнил, с каким нетерпением ждал окончания школы, чтобы, наконец, освободиться от всевидящего ока взрослых, которые решают за него, как ему жить и что делать. На выпускном вечере девчонки плакали от горя, а он хохотал от счастья. Свобода! Но радость оказалась недолгой. Предстояло обучение в институте. Веня обучился на учителя истории. Скутельника тянуло «на нехоженые тропы». Хотелось «пощупать» жизнь во всех ее проявлениях. Его голову заселяли герои книг Джека Лондона и Максима Горького: бродяги, путешественники, искатели «смысла», бунтари...

Незаметно сон сморил Венедикта. Снилось ему, как по

расчищенному от снега плацу гоняют они футбольный мяч рота на роту. Как он орет: «Пас! Па-а-ас!!» Ему по высокой дуге летит мяч в виде выцветшего серого пятна, и он со всего маха бьет по нему и просыпается от тупой боли в правой ноге. Венедикт со стоном сел на кровати и ухватился за ушибленную ступню. Вместо мяча во сне он ударил по радиатору, к которому была придвинута его кровать.

Майским днем, забравшись на верхнюю полку в плацкартном вагоне поезда «Рига-Москва», «дембель» Веня сквозь дрему слушал бормотание пьяненького мужичка. Внизу, за столом сплоченным тесным коллективом выпивала, закусывала и «бухтела за жизнь» продвинутая рабочая молодежь. Венедикту поднесли, он «замахнул» две стопки «За Победу!» и полез на свое место.

– Товарищ Ульянов – расстреливал и сажал врагов революции. Рябая сволочь Ёська – расстреливал и сажал товарищей по борьбе. Трамвайное хамло – Никита-сказочник – сажал кукурузу. Ленька-баснописец – сажал диссидентов. Володька-лысый – сажал «ментов». Черненко не успел никого посадить – сам лапты склеил. Вождей нашего племени объединяла одна страстишка – любовь к посадочным работам. Словно маньяки и тираны они вечно кого-то и чего-то боялись, но при этом мнили себя библейским Моисеем и вели народы в не обетованные земли коммунизма, не имея ни малейшего представления, где эти земли находятся и с чем

их едят. В итоге посох поводыря оказался в руках демагога, который собрался что-то там перестраивать! И снова нас куда-то ведут! Оказывается, мы шли не туда. Нам поменяют «мышление» и наконец-то укажут правильное направление к новым горам трюпов и свежим рекам крови...

Слушая запальчивого мужичка, Веня смотрел в окно, подмывая подбородком подушку. Полтора года назад, когда он уходил на службу, подобные монологи большей частью проносились среди своих, подальше от посторонних ушей. Теперь же человек внизу без опаски «поливал» «вождей племени», перенеся «кухонный» треп на суд сограждан. Особого ущемления собственных прав Венедикт не припоминал, но грядущие перемены в стране интриговали. Чем «вожди» заменят проторенную миллионами стоптанных башмаков тропу развития рядового трудящегося – октябренок, пионер, комсомолец, коммунист – он не ведал. А интересно – чем?

– О «вождях пролетариата» рассуждают обыватели, пошляки и звездоболы, хотя честнее и справедливее было бы плюнуть и забыть про всю эту политическую блевотину. Но «человеки» гадко устроены – они с удовольствием вспоминают всяческую мразь и с легкостью предадут забвению тех, кто достоин памяти. Спроси уборщицу общественной уборной тетю Маню, кто первым совершил путешествия в Южные Аппалачи и Южные Скалистые горы, для чего Франсиско Орельяна в 1542 году проплыл по Амазонке от Анд до устья, и ты получишь тряпкой по морде за ругательные сло-

ва. Спроси первого встречного о Василии Пояркове и Ерофее Хабарове, открывшими полуостров Ямал, Таймыр, Чукотку, кто это такие и для чего гробили свои жизни, и тебе предложат закусывать после выпитого... Вот, например!

Веня почувствовал чужую руку на своей пятке и посмотрел вниз. Его ногу тряс оратор с кривыми зубами и взмокшими от пота и прилипшими ко лбу светло русыми волосами.

– Вот ты, солдат, можешь сказать, кто первым прошел Берингов пролив или, к примеру, открыл Новую Зеландию и Фиджи?

– Берингов пролив – Федот Попов и Семен Дежнев, а Новую Зеландию, Фиджи и Тасманию – Абел Тасман в 1642 году, – помешкав, ответил Веня.

– Молоток! Пять баллов! – возликовал оратор. – Витя, булькни победителю викторины наградные сто граммов.

– Если я расскажу все, что знаю – тебе водки не хватит. Не наливай, Витя, – ответил Веня и снова уткнулся в окно.

– Ладно, – рука отпустила ногу Венедикта, – хрен с ними с Фиджами и Новой Зеландией, я о другом...

«О другом» Венедикт дослушивать не стал. Его занимал вопрос, в каком направлении двигаться. На что тратить полученную свободу.

«Чего ты хочешь от жизни, Венедикт?» – спросил себя Скутельник.

В отличие от Венедикта Боря Воскобойник знал, чего хо-

чет. Он хотел заработать много денег. В стране Советов открыто это было не так просто сделать даже с еврейскими корнями. Борина мама Ася Израилевна, учительница физики, спала и видела своего единственного сына великим человеком. Например, Альбертом Эйнштейном. Почему нет?! А если все-таки нет, то чтобы перед соседями не было стыдно.

Борины интересы в корне различались с мамиными – его не волновала физика. Он не боялся позора и бросил школу после девятого класса. Юноша любил учиться, но его не любила классная руководительница молдаванка Мария Иоанновна. Она систематически донимала еврейского мальчика придирками и писала гадости в дневник, отчего портила Борино настроение и настроение Аси Израилевны. Между сыном и матерью регулярно вспыхивали словесные перепалки. На следующий день театр военных действий Боря переносил из дома в школу. Он высказывал Марии Иоанновне все, что передумал о ней перед сном. За его пылкими цитатами следовали не менее пылкие записи в дневник. Круг смыкался. Однажды Борино терпение лопнуло. Он ушел из школы с твердым намерением туда не возвращаться. Никакие уговоры родни не могли обратить его на тернистый путь к аттестату. Через год, удрученная горем мать перенесла еще один удар – отправила сына в армию.

Если сыны израилевы богом избранный народ, то случай с Борей косвенное тому подтверждение, ибо Волею судеб, а за каждой отдельно взятой человеческой судьбой, известно,

стоит божий промысел, так вот, волею судеб, в результате этого самого промысла, Боря отправился защищать Родину в единственную во всех вооруженных силах государства роту озеленителей. И не куда-нибудь, а в благодатный Крым, и не просто в Крым, а в Форос на дачу самого товарища Михаила Горбачева, главного коммуниста страны. Подумать только, родители несчастных детей, которым не удалось «закосить» от службы, всеми правдами и неправдами изыскивают средства, чтобы облегчить своим чадам участь и запихнуть на теплые места, скажем, в спорт роту или писарем при штабе, а тут такое везенье, без взяток в Крым, к морю...

За полгода озеленительных работ Боря значительно прибавил в весе и из худенького еврейского мальчика превратился в матерого толстого еврея. Оно и понятно – курорт. Ели вволю. Купались в море. Ухаживали за растениями, начиная от олеандр и заканчивая туями. Прилежно посещали определенные распорядком занятия, начальство не досаждало визитами. Не жизнь, а сказка. Так бы и прошла безоблачно Борина служба, если бы однажды августовским днем не примчался на служебном «Уазике» ротный и едва ли не пинками погнавший вверенный ему личный состав прочь с обширной территории дачи.

– «Сам» едет! – вытаращив глаза от страха, пояснил ротный.

Пока кормчий «перестройки» отдыхал у моря, Боря с товарищами тарашился в телевизор, изо дня в день слушал

программу новостей и пытался вникнуть в суть происходящего в стране, вылавливая зерно истины из мутной тины информационного словоблудия.

Рядовой Елин, еврей из Одессы, также как и Боря отмеченный печатью божьего избранника, именовал себя специалистом по удобрению экзотических кактусов из Парагвая. На вопрос сослуживцев: «почему именно кактусов и именно из Парагвая?» – озеленитель Елин резонно отвечал: «Это не шик, но это красиво».

Именно он внес ясность в пытливые умы сослуживцев: «Когда одного моего хорошего знакомого обокрали и подожгли квартиру, он спросил соседа: «Зачем ты вызвал пожарных, им тут нечего делать – все давно вынесли!» На что сосед ему ответил: «Так и не переживай, Сема! Пусть льют свою пену – ценные вещи уже не пострадают, они в надежных руках и в безопасности, а пену уже налили. Больше нальют, меньше – все равно квартиру ремонтировать».

– При чем тут пожар, ценные вещи и пена к тому, что творится в стране? – спросил голос.

– Ты плохо учил историю в школе, Петя. Во все времена, как только в какой-нибудь империи становилось нечего жрать, обязательно находились умники и устраивали «пожар», поднимали народные массы гасить его, и пока эти самые массы лили пену и топили в ней друг дружку – «умники» под шумок растаскивали ценные вещи. Потом обвиняли в воровстве самого активного пожарного, «гасили» его и его

сподвижников и списывали недоимки на них.

Рыба тухнет с головы. Волнения в союзных республиках – это начало развала советской империи. Скорее бы «оттарабанить» свой срок и в гущу событий! Сейчас самое время умным людям рядом с пожарными покрутиться. Может, в пене и нам чего перепадет, верно, Боря?! – Елин подмигнул Воскобойнику.

– Верно, Женя, – отозвался Боря. Ему нравился ход мысли товарища по оружию, но сам он смотрел на положение вещей гораздо уже. Ему не нужна была «гуща событий» и катаклизмы с риском для жизни. Ему нужно было спокойно дослужить в глубоком тылу, а не на линии фронта, пусть и с перспективой богатых трофеев в будущем. А уж затем думать, как и чем зарабатывать на жизнь. На безбедную жизнь.

Роту «озеленителей» расформировали. Волею судеб или божьего промысла, а быть может и стараниями ротного капитана Сулова, у которого русский папа по имени Алексей, женился на еврейской девушке по имени Сара и который очень любил свою мать – Боря попал одновременно и к «линии фронта» и в «глубокий тыл». А именно в войсковую часть в подмосковное Одинцово на должность помощника начальника автоколонны. В обязанности Бори входило выписывать наряды на выезд грузовых и легковых автомашин за пределы войскового подразделения.

Боре было грех жаловаться на смену профиля своей армейской службы. Иные военные, дослужившись до генера-

лов, не обладали таким почетом и всеобщим уважением, каким через месяц после закрепления на должности обладал Боря. Бывало, заместители командира части обращались к нему с просьбами «подкинуть» грузовичок: тому щебенку перевезти на дачу, этому доски теще за город, третьему для «нужного» человека цемент перебросить с объекта на объект. А уж для младшего комсостава ефрейтор Воскобойник являлся Фигурой! Транспорт всем нужен, это факт.

Жил Боря по собственному распорядку. Спал в отдельной каптерке, кормился в столовой сытно, повара не обижали, в наряды не ходил – боже упаси такого человека на тумбочку поставить, в увольнение отбывал по собственному усмотрению – ротный подмахивал увольнительную, не глядя. А идти в увольнение Боре было куда. В Москве обитал его отец Арнольд Казимирович, которого Боря в шутку называл «грозный Арни», намекая на сходство с «великим и ужасным» голливудским актером. Папа тихо злился на сына за ядовитый язык, потому что кроме имени со знаменитым бодибилдером у него не было ничего общего. Арнольд Казимирович нервный, щуплый, амбициозный, заносчивый, сутулый, с сеньскими височками и жиденькими волосенками на черепе, обтянутом кожей цвета пергамента, был вечно чем-то недоволен. Он считал себя философом по природе и не видел необходимости, изучать сей предмет фундаментально. Прочитанных в юности книг ему казалось достаточно для того, чтобы смело рассуждать об отвлеченных материях. Неред-

ко мысль Арнольда Казимировича делала такие замысловатые вензеля, что и сам он с трудом улавливал нить собственных умозаключений. В такие благословенные минуты Боря не стеснялся в определении ораторского мастерства родителя: «Ну, и горазд же ты триндеть!» – чем приводил «грозного Арни» в неистовство. Папа требовал к себе уважения, гневно брызгал слюной, белел лицом, сужал губы и раздувал ноздри. В очередной раз Боря выслушивал, что он недоучка с неоконченным средним образованием, молокосос, невежда и невежа и не смеет насмехаться и хамить... Борю мало трогали «бури в тазике». Он любил отца, но не уважал, не потому что папа в поисках лучшей доли ушел от его матери к другой женщине с двумя квартирами и большими связями, а оттого, что, получив возможность проявить свои таланты, так и остался «кухонным трибуном».

– Сытый и спесивый индюк, – объявил он отцу в разгар очередной серии «Отцы и дети».

– Пошел вон! – «грозный Арни» воткнул указательный палец в сторону входной двери. Позерство и самолюбование были еще одной замечательной чертой Арнольда Казимировича.

Боря отложил зажженную сигарету в пепельницу, встал из-за стола, снял закипевший чайник с плиты, долил кипятку в фарфоровую кружку, с нарисованной на ней яркими красками птицей колибри, и вернулся на свой стул у окна с открытой форточкой.

– Так рано меня в части не ждут, – ответил он и, удерживая чашку на весу, вновь взялся за недокуренную сигарету.

Обычно их перепалки походили на трагикомедийный фарс. «Грозный Арни» выпускал пар непонятого современниками философа. Борис же выдувал этот пар вместе со струей сигаретного дыма в форточку. Он не обижался на отца и даже помогал ему и его семейству продуктами. То через весь город притащит полмешка гречки и поставит в прихожую, то завернутую в тряпку четверть туши свиньи занесет на кухню. В беспокойное и голодное «перестроечное» время эти полмешка и четверть туши примиряли заносчивого родителя с непутевым сыном.

В очередное увольнение Боря прихватил трехлитровую банку сахарного песка и, стянув в прихожей ботинки, направился напрямик в кухню на голоса. К нему обернулся и встал из-за стола Венедикт, его старший сводный брат.

– Встреча на Эльбе. Союзные войска смыкаются в жарких объятьях! – воскликнул Боря. Братья обнялись.

Арнольд Казимирович потянулся через стол к начатой уже бутылке «Пшеничной». Когда выяснилось, что увольнительная у Бори до завтра на столе появилась третья рюмка и рядом с нею вилка. Выпили. Закусили жареной свиной из общей тарелки.

Пока братья выражали радость встречи чоканьем рюмок, похлопываниями друг друга по спинам и обменом впечатлений о службе в войсках, Арнольд Казимирович выдувал си-

гаретный дым в потолок и дивился тому, как один человек мог произвести на свет двух совершенно не похожих друг на друга людей. Старший Венедикт – тёмно-русый, худощавый с серыми глазами на узком лице; Борис – черный как цыган, на полпути к ожирению, с оливковыми глазами на наглой физиономии. Первый – подвижный, легкий на подъем, второй – с ленцой; один простоват, другой с хитрецей. Все дело в матерях, подумалось захмелевшему родителю, и эта мысль ему понравилась. Она частично снимала с него ответственность за недостатки детей, коих у них не могло не быть. Арнольду Казимировичу было трудно судить, в какой пропорции в каждом из сыновей заложены добрые и не очень добрые начала, поскольку их воспитание он возложил на бывших жен, дабы не препятствовать размеренному полету своей философской мысли. Арнольд Казимирович рассчитывал на гармонию в природе. Это означало, что в детях его должно быть намешано всего понемногу. «Главное, чтобы от этой смеси впоследствии не болела голова», – философски заключил он.

– Извини за банальность, Веня, но чем ты думаешь заняться? – спросил Боря брата. Арнольд Казимирович перестал жевать в ожидании ответа.

Венедикт положил локти на стол, сложил ладони домиком и уставился в пространство. Он задумчиво молчал и никто не нарушал его молчания. Родственники ждали. По затянувшейся паузе было ясно, что сейчас прозвучит «нечто» и оно

прозвучало:

– А хрен его знает!

Борис заржал, как конь в стойле. Арнольд Казимирович поморщился от досады и раздраженно процедил:

– В полку мудаков – прибыло!

Борис снова засмеялся и вытер указательным пальцем выступившие слезы.

– Нет, Веня, без шуток, – отсмеявшись, снова взялся за допрос младший брат, – чем намерен зарабатывать на жизнь?

Венедикт сощурил глаза и изобразил серьезность.

– Слышали про хрустальный череп «Метчелл-Хеджес», что в 1927 году был найден у руин древнего алтаря индейского племени майя в Гондурасе? – спросил Венедикт.

– Какая-то сказка, про необыкновенную находку в Белизе, бывшем Британском Гондурасе, – подтвердил Арнольд Казимирович. Редактор ведомственного журнала «Лесная промышленность», он был вынужден много читать специальной литературы о лесах и о связанной с лесами промышленности. Чтобы окончательно не озвереть, не свихнуться и не сыграть в деревянный ящик от нервного истощения, Арнольд Казимирович в час досуга перелистывал научную фантастику, переключая закипевшие на работе мозги. Он прекрасно знал, как и для чего в прессу запускаются «утки». В период наступившей «гласности» молодые стаи пернатых с гоготом перелетали из одного периодического издания в другой. Обыватель, осатаневший от бесконечных отчет-

тов о «рекордных намолотах» и «небывалом трудовом энтузиазме», с готовностью и благодарностью ловил и впитывал всевозможные небылицы, которыми их потчевала «освобожденная пресса». – Я ничего не имею против научной фантастики, но морочить людям головы чепухой о таинственной находке, да к тому же выдавать ее как серьезное археологическое открытие – это шарлатанство.

– Подожди, подожди, папа, – запротестовал Борис. – Дай сказать человеку.

– Есть версия, что таких черепов в мире тринадцать штук, – продолжил Венедикт. – Если их собрать вместе, то откроется тайна мироздания и человек, открывший эту тайну, станет самым могущественным на земле.

– Ты хочешь найти и собрать эти черепа воедино? – предположил Борис. Он приготовился поддержать шутку брата раскатистым смехом, но Венедикт мотнул головой.

– Нет, – сказал он. – Черепа мне не нужны.

– Слава тебе! – Арнольд Казимирович картинно вознес руки к небу и закатил глаза. – Я испугался, что наша непобедимая армия превратила моего сына в неисправимого кретина.

– Отец прав, – продолжил невозмутимый Венедикт. – История с хрустальными черепами сама по себе смахивает на грандиозную авантюру. Если все же принять на веру эту «былину», то возникает вопрос, почему искатели сокровищ и приключений до сих пор не попытались собрать черепа вме-

сте? А если кто-то пытался, почему об этом ничего не известно? Но меня занимает не это. Где остальные части?

– Какие части?! – Глаза Арнольда Казимировича превратились в бусинки, что означало последнюю стадию раздражения.

– Как какие?! К черепу положен скелет. А коль скоро хрустальный остов не подвергается разложению и существует версия исследователей, будто данная находка имеет инопланетное происхождение, то вполне вероятно, что череп – это малая часть целого, целого человека. Стало быть, к этому необыкновенному хрустальному человеку должны прилагаться агатовые глаза, рубиновое сердце, аметистовая печень и, наконец, хрустальные яйца с алмазным причиндалом. Причем основное орудие труда мужчины обязано иметь стоячее положение, как символ могущества мужского начала. Так вот, я и подумал, если черепов – тринадцать, то и всего остального должно быть столько же. И если черепа, собранные вместе, дают неограниченную власть над землянами, то какую же силу над женским родом дадут объединённые воедино хрустальные яйца и алмазные болты! Вот что нужно искать и чему посвятить жизнь!

Бориса трясло от смеха. Вопреки ожиданиям братьев «грозный Арни» спокойно отпил из рюмки маленький глоток и объявил:

– Ищите, чего хотите, а я вздремну.

Арнольд Казимирович встал из-за стола и, потрепав Ве-

недикта по стриженному затылку, удалился в свою комнату.

– Кроме шуток, Веня, давай замутим! – заговорил Борис. – Дело свое откроем, деньжат нарубим. Заживем!

– А начальный капитал? И что конкретно делать будем? – возразил Венедикт.

– Что-нибудь придумаем. Например, кооператив по пошиву одежды или обуви. Или магазинчик откроем или сеть магазинов. Мне меньше полугода осталось дослужить. Дождись меня. Там развернемся. Сейчас времена такие, только успевай поворачиваться...

– Ты дослуживай, Боря, – там видно будет...

Через два дня Венедикт отбыл в Кишинев, где он вырос и откуда призывался в армию. На положенный ему по закону отпуск после службы в войсках у Вени не было ни времени, ни денег. Сидеть на шее у матери стыдно. Работать по специальности учителем истории не хотелось. Еще в институте на практике он понял – нет к педагогике призвания. Недолго думая, Венедикт устроился в строительно-реставрационное управление подсобным рабочим. Там его определили в бригаду штукатуров-маляров. Появление в городской библиотеке, где предполагались ремонтные работы, молодого человека с розовым румянцем на гладком лице и нежными руками с тонкими и длинными, как у музыканта пальцами, несколько озадачило членов бригады, в которой из девяти ее участников все без исключения являлись участницами, то есть жен-

щинами. После недолгого перекрестного допроса «что умеешь?», а не умел Веня ничего, фронт работы ему определили – «бери больше – неси дальше».

Веня брал и нес. После «аккордных» работ в войсках за «спасибо от Родины», тот же труд на гражданке, но уже за деньги – вносил смысл в его существование. Через две недели подай-ка-принеси-ка-разгрузочных работ, Скутельник подрос по служебной лестнице. Ему поручили мыть биллоны фасада здания, а еще через две недели бригадир штукатуров-маляров Зинаида Ивановна доверила Венедикту покраску стен одного из помещений библиотеки, для чего прикрепила молодого «специалиста» к уже не молодой, но еще и не старой малярше по имени Вера. Говорила Вера с едва различимым молдавским акцентом, завязывала пеструю косынку узлом на затылке и в большом нагрудном кармане, отмеченного всеми цветами радуги комбинезона, носила коробок спичек и распечатанную пачку сигарет «Дойна». Своего нового напарника она воспринимала как временное явление, поэтому не донимала придирками.

Предварительно из комнаты Венедикт вынес все книги и передвинул все стеллажи, на которых эти книги располагались. Строгая библиотекарша, начальница всех библиотечек, расплылась в умильной улыбке, когда, явившись проконтролировать рабочий процесс, обнаружила в коридоре книги, расставленные на стеллажах в строгом соответствии своему первоначальному алфавитному порядку. Она оцени-

ла усердие паренька и с материнской теплотой в голосе пригласила на чай у себя в тесной конуре, с подшивками на полках и портретами писателей на стенах. Ее удивило, что человек с высшим образованием, с прекрасной специальностью не работает по профессии, а занимается покраской и побелкой стен и потолков. Тем ни менее она приветствовала стремление молодого человека «познать жизнь во всех ее проявлениях». Главное, чтобы это стремление не затянулось. Во всем нужна мера. Молодой, неопытный глаз не всегда способен определить эту самую меру, потому ему нужен мудрый наставник или наставница, а еще лучше, чтобы эта наставница была молода и красива, как, например, дочь начальницы всех библиотекарей.

Эту песню в различных вариациях Веня слышал не раз по возвращении из армии. К ним в гости «я тут шла мимо, дай, думаю, зайду» зачастили мамыши девиц на выданье. Все они восхищались возмужавшим Венедиктом. Исподволь интересовались его дальнейшими планами. «Огорчались», округлив глаза, как это такой молодой и красивый до сих пор не нашел себе спутницу жизни?! «Наша Леночка, Сашенька, Светочка, Лорочка, Танечка – тоже, кстати, пока одна, хотя от кавалеров нет отбоя». И на волне материнского участия приглашали навестить их «без церемоний, по-свойски», «ведь мы всегда любили тебя, как сына». Веня не заставлял себя долго ждать и являлся по первому зову, справедливо полагая, что время тихого онанизма кануло в лету вместе с

казармой и кирзовыми сапогами. Ему не приходилось брать неприступные крепости, ибо хозяйки этих крепостей предпочитали заблаговременно выкинуть белый флаг на милость победителя, дабы стены и потайные лазы со временем не заросли мхом и не покрылись паутиной забвения. Засучив, что называется рукава, не покладая рук и всего остального, Венедикт усердно трудился на ниве сексуальных утех, при этом, не забывая, как коварен, бывает, улыбчивый и стонущий в его объятиях «враг». Чем слаще пели сладкоголосые русалки, тем громче звучала лира осторожности в душе Вени. Он удваивал бдительность и запасался презервативами, отдавая себя во власть интуиции, которая нередко выручала его.

Так, однажды, засидевшись допоздна у очередной «доброжелательницы» на кухне за стаканчиком красного вина, Скудельник собирался, было, пройти в приготовленные для него апартаменты «мама-папа два дня на даче, ты можешь заночевать у меня», но внутренний голос указывал на излишнюю нервозность гостеприимной хозяйки, показные зевки и мимолетные взгляды на настенные часы. Веня бесстрастно продолжал молотить ересь о преимуществах свободного секса в странах западной Европы и потягивать вино, при этом наблюдая за девицей, в которой было прекрасно все от жгуче черных очей с огромными накладными ресницами до смоляных волос густо покрывающих голову и ноги. Пикантности перезрелой чаровнице придавали выжженные перекисью ве-

ликолепные рыжие усы под небольшим носиком с круглыми ноздрями.

Ближе к полуночи «молодая» в волнении прошла из кухни в комнату и обратно, замок в прихожей тихо щелкнул, и в приоткрытую дверь просунулась малиновая беретка, покрывающая женскую голову. Положив ногу на ногу, не выпуская стакана из рук, Веня в умилении наблюдал, как вдоль стеночки в полуприсяде крадется маленькая женщина в черном драповом пальто и чёрных полусапожках. На лице похотливое любопытство, прищуренные глаза разрывали темноту комнаты в поисках обнаженной страсти, а чуткие уши ловили любовный шепот и победное рычание оргазма. Стремление различить во мраке «нечто» так увлекло полуночную гостью, что она не сразу увидела «страстных любовников» под сенью бра на кухне. «Влюбленная» нервно кусала губы и гневно сверлила глазами нетерпеливую маму. Венедикт учтиво приподнял зад и салютовал родительнице и своему внутреннему чутью, недопитым стаканом. Обескураженная дама проямлила: «Вы еще не ложились?»

Несостоявшийся зять, неспешно натягивая ботинки в прихожей, принялся рассказывать, как на рыбалке он упустил огромного карася, который сорвался с крючка и упал в тину на мелководе.

– Я бросился ловить его руками, хлопал по воде – брызги в сторону, весь вымок, сапоги хлопают, а он, зараза, шмыг-шмыг, нырк-нырк и был таков! В общем, я поплыл...

И хмельной Веня растворился в океане ночи.

Любовь любовью, а стены в библиотеке ждали своего часа. Час этот пробил, после того как газетами был накрыт паркетный пол сияющий лаком. Стоя перед жестяными банками с олифой, белилами и краской, Веня задумчиво тер подбородок и решал задачу с двумя неизвестными. Первое неизвестное – в какой пропорции разводить ингредиенты, чтобы получить цвет морской волны. Второй – как это сделать без помощи своей напарницы Веры, у которой ветрянкой заболела внучка и с нею необходимо посидеть до прихода участкового врача, «Веня, я быстренько, придет бригадир Зинка, скажи – я на территории».

Бригадирша Зинаида не объявлялась и, с одной стороны, это было на руку Венедикту – отпадала необходимость врать, покрывая напарницу. С другой стороны, ситуация складывалась патовая, так как чем красить стены спросить было не у кого.

На свой страх и риск Скутельник вылил бежевую краску из жестяной банки в небольшое корыто, добавил туда белил и олифы. Полученная смесь ему показалась недостаточно светлой. Чтобы осветлить ее, Веня долил в корыто из всех имеющихся у него под рукой сосудов, что называется, «на глаз» всего понемногу и тщательно размешал обломком швабры. Начинаящего «авангардиста» радовало уже то, что смесь не вступила в химическую реакцию с внешней средой, не зашипела и не забулькала, и, следовательно, угроза жиз-

ни отсутствовала. Можно было приступить к «творческому» процессу.

Скутельник окунул валик на длинной палке в корыто и нанес первый неуверенный «мазок» на стену. С каждой минутой робость, охватившая его в начале работы, отступала. Молодой маляр трудился самозабвенно, без отдыха и перерыва на обед. Работа так захватила его, что лишь оклик директрисы вернул его к действительности. Главная библиотекарьша переводила недоуменный взгляд с Вени на «обновленные» стены. На ее удрученном лице застыла неизмеримая печаль. Из лазурной Адриатики, в которую директриса ежедневно окуналась, приходя на работу, Венедикт злым гением своего невежества низверг ее в мрачное царство Аида. Стены библиотеки обрели зловещий серый цвет и отдавали могильной прохладой.

– К утру краска высохнет и помещение заиграет весенним разноцветием, – успокоил Скутельник сотрудниц директрисы, которые, сгорая от любопытства, явились, чтобы оценить художества Венедикта. Женщины притихли и с сомнением ощупали сырые стены.

Утром, Венедикт, как истинный мастер, раздираемый противоречиями, первым ступил в комнату. Ему не терпелось увидеть результат. За ночь краска подсохла и, теперь помещение напоминало землянку брянских партизан.

За спиной хлопнула входная дверь. В комнату вошла Вера. Вместо привычного: «Буна диминяца!» (Доброе утро)

она воскликнула: «Фу ту зду мя дзеу мэти!!!» (Что-то сродни половым отношениям с всевышним). Веня смекнул, что работой его не довольны. Бригадирша не заметила отсутствия Веры в течение дня, и чтобы не выдать себя, Вере пришлось разделить неудачный дебют Венедикта. В наказание их перевели в подвал отбивать старую штукатурку. Покрытая известковой пылью напарница скребла стену мастерком и выговаривала Венедикту, к обеду успокоилась, а вечером они помирились.

– Спасибо, что не выдал меня, – сказала она, затянувшись сигаретой. Они сидели на длинной доске, плечом к плечу, прислонившись к стене. Над головами на длинном шнуре весела «переноска» в желтоватой дымке от стоящей пыли.

– Если бы я тебя выдал, меня бы снова отправили в подсобные рабочие таскать мусор.

– Только поэтому промолчал?!

– Конечно! С детства мечтал отбивать штукатурку в подвале!

Вера усмехнулась.

– Зачем тебе такая работа? – спросила она.

– Какая такая?

– Не притворяйся, что не понимаешь. Ты не похож на нас. Это я нигде не училась, а ты, говорят, закончил институт. Тебе здесь не место. Оно не твое. Наши женщины над тобой посмеиваются. Они считают твою работу у нас блажью интеллигента. Не поступай так, чтобы над тобой смеялись,

иначе никогда не станешь мужчиной.

Венедикт отодвинулся, чтобы лучше рассмотреть лицо напарницы. Неожиданное открытие едко ужалило самолюбие. Он горделиво считал, что его сложную натуру трудно разгадать, а на деле его считают мальчишкой из мира прочитанных им книжек. Вера и ее товарки в отличие от Вени не создавали себе трудности искусственным путем. Они жили, стараясь огородить себя от лишних хлопот. А он играл в одного из книжных героев, которому непременно нужно «пощупать жизнь во всех ее проявлениях». Что он делает в подвале? Познает жизнь? С таким же успехом можно пойти в ученики токаря или обучиться скорняжному делу, выучиться на сварщика или стать электромонтером высоковольтных линий. Теоретически можно даже пойти в космонавты, но стоит ли забираться в космос, чтобы отгадать, для чего дана жизнь.

– Чего нахмурился? Обиделся? – Вера дружески толкнула Скутельника локтём в плечо.

– Нет, мне стыдно, потому что я считал себя лучше тебя.

– Все люди считают себя лучше других и очень обижаются, что другие так не считают.

– Ты тоже считаешь себя лучше других?

– Я считаю, что остальные не лучше меня.

Скутельник рассмеялся от удовольствия.

– С тобой легко. Ты думаешь легко и так же легко говоришь.

Вера пожала плечами:

– Однажды мы ехали с сестрой и ее мужем в машине. По дороге муж сестры взял попутчика. Всю дорогу тот ёрзал и на подъезде к городу салон наполнился жуткой вонью. Пахло дерьмом. Оказалось, попутчика мучал понос, но он стеснялся сказать об этом в присутствии женщин. В итоге пострадало заднее сиденье, ну, и мы, конечно. Петя, муж сестры, ругался, на чем свет стоял. «Тебе, что, трудно было сказать?! – кричал он. – Я бы остановил!»

– Я понял. Говори правду, если не хочешь обоссаться.

– Примерно это я имела в виду.

Обычно после работы Скутельник отправлялся домой – ужинал, читал книги или включал стереосистему и слушал виниловые пластинки. Сегодня, в пятницу вечером, смыв с себя подвальную пыль и переодевшись в чистую рубашку кирпичного цвета, шерстяной пуловер, черные брюки с отутюженными стрелочками, вишневого цвета лакированные туфли с острыми мысками и в темно-синий плащ с погонями и поясом, он в нерешительности мялся у ограды старинного двухэтажного особняка. Особняк с лепниной под козырьком крыши, дорическими колоннами по фасаду здания, массивной балюстрадой вдоль террасы по обеим сторонам главного входа, утопал в густой зелени кряжистых платанов. Он светился электричеством из всех окон, ревел хором десятков голосов, надрывным стоном струнных инструментов,

сопрановыми и теноровыми партиями, искромётными фортепьянными глоссандо, сбивчивыми трелями флейты и дробью ударной установки. От какофонии звуков Венедикт оробел и хотел, было ретироваться, когда его окликнула женщина с террасы:

– Вы кого-то ищете, молодой человек?

Она держала деревянный мундштук с дымящейся сигаретой в нём двумя пальцами, скрестив руки на груди, обтянутой красным кардиганом поверх белой блузы. В надвигающихся сумерках лицо ее было плохо различимо. К тому же мешал свет из окна, на фоне которого она стояла. Венедикт почувствовал, как краснеют его щеки и уши. Он разволновался от мысли, что над ним посмеются, узнав, зачем он явился сюда.

– Я по объявлению в газете, – пробормотал он и сделал шаг по ступеньке вверх на встречу к незнакомке.

Женщина так же подвинулась на шаг вперед, и черты ее определились отчетливее. Коротко стриженные и выкрашенные в каштановый цвет волосы обрамляли овал лица сорокалетней женщины, где пронизательные глаза и выдающийся мясистый лоб с глубокой поперечной морщиной на нем являлись основной достопримечательностью. Ухоженную шею украшали бусы из красноватого камня, название которому Венедикт не знал. Тщательно выщипанные брови образовали две правильные дуги.

– Вы немного опоздали, официально набор закончился в

начале сентября, но, – дама сделала успокаивающий жест, – мы продолжаем укомплектовывать классы.

Она вынула сигарету из мундштука, бросила окурок в урну и жестом пригласила Веню войти в здание. Венедикт учтиво пропустил женщину вперед и, сделав десяток шагов, оказался за стеклянной дверью в кабинете на первом этаже. В тесной комнате стояли пианино у стены, письменный стол со стулом у окна и книжный шкаф в углу. На верху шкафа виднелась сложенная шахматная доска. Веня присел на стул для посетителей.

– Познакомимся, – предложила хозяйка кабинета. – Я завуч дома работников просвещения, где мы с вами находимся в настоящее время. Зовут меня Тамара Петровна Федосян.

– Венедикт Скутельник.

– Коротко о нашем заведении. Обучаются у нас взрослые по программе музыкальной школы, но не семь лет, а пять. Понятно, что у взрослого человека усидчивости больше и приходят сюда не по волеизъявлению родителей, а по собственному желанию. Поэтому программу усваивают быстрее. Стесняться не надо, есть у нас и двадцатилетние, есть и бабушки с дедушками. Люди разные. Кто восполняет пробелы музыкального образования, кто догоняет убегающий поезд, а кто просто ходит, чтобы дома не скучать. Обучение платное, двенадцать рублей в месяц. Потянете?

– Думаю, что да.

– Вы кто по профессии?

– Штукатур-маляр третьего разряда.

Тамара Петровна посмотрела на тонкие пальцы штукатур-маляра и ухмыльнулась.

Венедикт перехватил ее взгляд.

– Честное слово штукатур, временно...

– Если пройдете весь курс, – продолжила завуч, – получите аттестат государственного образца и по желанию можете продолжить образование уже в музыкальном училище, а там и консерватория... На чем хотите специализироваться?

Веня прокашлялся и снова покраснел:

– Вокал.

– Музыкальной грамотой владеете?

– До-ре-ми-фа- соль-ля-си...

– Зачем вам учиться? Вы же готовый специалист! – воскликнула Тамара Петровна.

Венедикт усмехнулся.

– Для начала я запишу вас в свою группу по классу фортепьяно. – Тамара Петровна раскрыла журнал на столе и взяла шариковую ручку. – Вам нужно научиться читать ноты и освоить азы игры на инструменте. Позже я отведу вас к педагогу по вокалу. Он послушает вас и скажет, что вы за птица, соловей или ворон. А пока признайтесь, что вас привело к нам? Любовь к искусству, скука или призвание.

– Гордыня. Алчу славы...

– А если серьезно.

Венедикт ответил не сразу.

Когда отец и мать разошлись, ему едва исполнилось четыре года. В соседнем доме кто-то ежедневно «мучал» пианино, извлекая из него звуки. «Кем-то» оказалась девчонка на три года старше Вени. Звали девочку Белла. Ее бабушка очень хотела, чтобы внучка научилась играть на инструменте, несмотря на полное отсутствие слуха и у внучки, и у бабушки. Упрямство старой еврейки и усидчивость «юного дарования» на несколько часов погружали целый квартал в какофонию звуков, приводя в уныние дворовых собак и в бешенство многочисленных соседей. Веня помнил, как мамина знакомая, усадив его себе на колени, гладила и хвалила его руки, восхищенно приговаривая: «Какие длинные пальчики! Вот по ком плачет музыкальная школа!» Однажды Веня спросил у матери, почему у них нет пианино, он бы мог играть гораздо лучше этой глупой Беллы. На что мама расплакалась, в тот период она много плакала, и объяснила, что у них нет на пианино денег. Научиться играть на пианино осталось детской мечтой Вени.

– Хочу понять, на что способен, и способен ли на что-то, – сказал Скутельник. Он знал, как порой нелегко объяснить обыкновенные вещи посторонним.

– Иными словами вы в поиске?

– Именно так.

– Решение попробовать себя в музыке – это, как я понимаю, второй этап вашего поиска.

– Почему не первый?!

– Первый – живопись. Вы же работаете штукатуром-маляром, – пояснила Тамара Петровна.

– Ах, да, в перспективе роспись потолка Сикстинской капеллы Ватиканского дворца в Риме.

Веня начал привыкать к манере разговора завуча. Над ним подтрунивали, и ему это нравилась.

– Вам это не грозит, церковь расписал почти пятьсот лет назад великий Микеланджело Буонарроти. Итальянцы не могли ждать!

– Напрасно! Вы бы видели мои «фрески» в городской библиотеке! – Венедикт щелкнул пальцами. – Директриса плакала от умиления.

– Не сомневаюсь, что в скором времени заплачем от умиления и мы.

– Вы предлагаете начать роспись стен в вашем заведении?!

– Я предлагаю пересесть к пианино и определить, есть ли у вас музыкальный слух и чувство ритма. С чувством юмора – всё в порядке.

– Что ж, попробуем. А если нет ни слуха, ни чувства ритма, что тогда? – Венедикт подвинул стул к инструменту. Тамара Петровна пересела на табуретку с винтовой ножкой и подняла крышку, открывая клавиши.

– Вы экономите двенадцать рублей в месяц, – ответила она.

Следующие пять минут Скутельник вслед за Тамарой

Петровной отстукивал костяшками пальцев по крышке пианино ритмы и воспроизводил голосом ноты, взятые ею на инструменте. От волнения испытываемый вспотел, несколько раз «запустил петуха», но в ноты попадал исправно. Завуч одобрительно кивнула:

– Вы очень зажаты, – сказала она. – Это пройдет со временем. В целом вполне прилично. Сейчас я покажу вам классы сольфеджио и музыкальной литературы. Кстати, посещение хора обязательно для всех. У вас растерянное лицо. Вас что-то смущает?

– По правде говоря, читая объявление в газете, я думал просто научиться петь, но и предположить не мог, что окажусь в музыкальной школе, – признался Венедикт.

– Вы женаты? У вас семеро по лавкам? Вы посвящаете все свободное время любимому хобби?

– Нет, но...

– Тогда какая вам разница, на что тратить свое время, которого, как я понимаю, у вас предостаточно.

Завуч развела руками и приподняла плечи. Венедикту оказалось нечего возразить. Он пошёл по коридору вслед за Тамарой Петровной.

В какой бы кабинет они ни заглядывали – везде кипела жизнь. Венедикта изумил возраст «учащихся». В свои неполных двадцать четыре года он оказался самым молодым из всех учащихся, кого ему довелось увидеть в классах сегодня. Например, в зале на втором этаже мужчина пенсионно-

го возраста с красным от натуги лицом у рояля под аккомпанемент педагога пытался взять «ля» второй октавы. Со второй попытки ему это удалось. Совершенно лысый, в черном костюме и белой рубашке певец походил на пингвина.

– Заместитель главного редактора республиканской газеты Рафаил Данилович, – шепотом пояснила завуч. – Благодаря его содействию наше объявление увидело свет почти бесплатно.

В следующем классе очень тучный гражданин, с очень большими грубыми на вид руками, с самозабвенным лицом растягивал меха баяна, сидя на стуле. Не прекращая играть, он дружески кивнул Тамаре Петровне и довольно бегло прошелся по клавишам инструмента. Про себя Венедикт окрестил его «трактористом».

За соседней дверью двое молодых мужчин, усевшись друг против друга и закинув ногу за ногу, тихонько наигрывали испанскую мелодию на гитарах. Один из них небольшого роста, мускулистый, едва слышно подавал реплики партнеру. Преподаватель, решил Веня и нарек его «качком».

В другом классе сорокалетняя дама выводила мелом на доске ноты. За ее спиной сидели за партами женщины и мужчины с сосредоточенными лицами и записывали в тетради.

Из актового зала слышалось хоровое пение. В приоткрытую дверь были видно, как около двадцати человек обоих полов не моложе тридцати пяти лет старательно вытягивают украинскую народную песню о девушке по имени Ганзя. Хо-

ристы смотрели то в ноты перед собой, то на дирижера в синей юбке и белой блузе.

К «народной самодеятельности» Веня относился скептически. Он допускал ее в застольных мероприятиях, необходимых для единения родственных душ. Но чтобы вот так, ни с того, ни с сего без закуски, да на сухую?! В груди заворочалась тоска. Тамара Петровна чутко уловила настроение новичка и поспешила заверить, что в репертуар хора включены джазовые произведения и даже кое-что из «Битлов». Сообщение насколько заинтриговало Веню, настолько и обескуражило. Всю оставшуюся часть экскурсии он пытался представить себе, как двадцать глоток после Ганзи дружно грянут «Yesterday» или «Can't buy me love». В ближайшие дни, ему, судя по всему, предстояло принять участие в этом действе.

«Это тебе, брат, не стены в библиотеках разукрашивать», – подумал Веня, а вслух спросил:

– А цимбалисты у вас есть?

– Нет, а что? Хотите себя на струнных инструментах попробовать? – поинтересовалась завуч.

– Неплохо бы послушать, как звучит композиция «Deep purple» «Дым над водой», переложенная на цимбалы.

– А вы язвочка, – отметила Тамара Петровна. – Вам у нас не понравилось? – ее голос дрогнул. В глазах мелькнула грусть.

Веня вовсе не хотел обижать эту милую женщину. Он решил впредь обходиться без колкостей, а вслух поспешил

успокоить.

– Все замечательно. Вы не обращайте внимания на мои реплики. Это я скорее от смущения. Защитный рефлекс. Не хочется выглядеть клоуном. Великовозрастный детина явился в первый класс музыкальной школы, чтобы не гнуцимися пальцами мучать инструмент и ваш слух. А когда возьмусь выводить рулады...

– По-вашему, все кто здесь занимается – клоуны?

– Нет, конечно! – вскрикнул Венедикт.

– Ну, так не комплексуйте. А на счет «рулад» – у вас приятный баритон. Пойдемте.

Тамара Петровна ввела Венедикта в просторный класс, где у приоткрытого окна стояло черное фортепиано. Облокотившись на подоконник и закинув ногу за ногу, рядом с инструментом сидел сухощавый, subtilный мужчина средних лет с темно-русыми волосами до плеч и тонким в морщинах лицом. Он привстал со стула при появлении дамы и посмотрел на Венедикта со сдержанным любопытством. Незнакомца звали Катынкарем Леонидом Васильевичем, он преподавал вокал. В оперном театре ему доверили исполнять арию «звездочета», отчего время от времени относительно небольшое здание дома работников просвещения изнутри взрывалось фрагментами теноровых пассажей. Учащиеся сбивались с ритма, преподаватели приходили в негодование. После того как Леониду Васильевичу пообещали «набить морду», если повторится подобное свинство, неистовый

«звездочет» «осознал» и держал себя в рамках, но горячий блеск его глаз выдавал демонические страсти в «вулканической» душе непонятого тенора. Именно этим взглядом он одарил Венедикта, пока Тамара Петровна объясняла цель их визита к почтенному мастеру. Смущенного Веню оставили один на один с Леонидом Васильевичем. Через десять минут Скутельник закрыл за собой дверь класса с красным лицом и пунцовыми ушами. Стараясь показать себя во всей красе, начинающий вокалист не щадил голосовых связок и чем выше брал ноту, тем громче орал. Одинокое прохожие с опаской оглядывались на окна класса, где, возможно, проводили изощренные пытки с музыкальным сопровождением.

– Глотка у тебя будь здоров, – подвел итог «звездочет». – Выдающимися данными не обладаешь, но если научишься петь – для ресторана сойдет.

Венедикт вернулся в кабинет завуча. Заключение Катинкаря он пересказал почти дословно.

– Вы же не метите в оперные звезды?! – утешила Тамара Петровна приунывшего Венедикта. – Освойте инструмент, музыкальную грамоту, ходите в хор, получите навыки пения, а там видно будет. Хорошо поставленный голос, усердие, талант, хороший импресарио и, наконец, удача. Вы вполне можете состояться как исполнитель, скажем, шансона.

– Мои претензии выглядят, наверное, более чем глупо.

– Не иметь претензий в вашем возрасте – вот что глупо.

Я думаю, того, что вы увидели вполне достаточно, чтобы составить представление о том, чем мы занимаемся, – сказала Тамара Петровна. – В остальных классах духовые инструменты, ударные, скрипка и так далее...

Венедикт застегивал плащ, стоя в дверях.

– Вы спешите? – спросила Тамара Петровна.

– Нет.

– Один из моих учеников попросил перенести занятия, поэтому сегодня я свободна. Мы ведь с вами почти соседи. Я живу на улице Панфилова, как и вы, и часто хожу на работу пешком, через парк вдоль «Комсомольского озера». Если вы не возражаете, мы могли бы пройтись вместе, – Тамара Петровна улыбнулась и по-детски заглянула в глаза Вени.

– С удовольствием, – Веня чувствовал симпатию к своей новой знакомой и интерес. Мир музыки завораживал его, пленил и даже пугал своей необъятностью. Скучельник сознавал свое невежество. Он представлялся себя маленьким человечком, стоящим на краю черной бездны, название которой «непознанное». Как велика эта бездна? Есть ли вообще у нее границы, или она так же необъятна и недостижима для человеческого рассудка, как вселенная, как вечность. Веня понимал, что на его вопросы Тамара Петровна вряд ли ответит, но понимал он и то, что к их решению она гораздо ближе его, хотя бы потому, что обитает в великом мире музыки, одном из множества миров, которые составляют вселенную.

– Вы где-то очень далеко. Вы жалеете о том, что согласились составить мне компанию? – спросила Тамара Петровна.

– Нет, нет, – Скутельник вернулся в действительность, – я обожаю пешие прогулки.

Они брели, не спеша, по занесенной листьями аллее. В свете уличных фонарей красные, ярко-желтые и коричневые листья кленов, платанов и тополей сухо шуршали под ногами. Тамара Петровна в черном бархатном пальто с меховым воротником держала красную сумочку, которая очень шла к ее красным лайковым перчаткам и красным полусапожкам. Веня плохо разбирался в брэндах, но даже он понимал, что его спутница одевается не в «совковых» магазинах. Его смущало внимание к себе взрослой дамы. Он не знал, как себя вести.

Они собирались переходить Садовую улицу, как на другой ее стороне показалась толпа. Человек пятьдесят мужчин и женщин шли мимо быстро, размашисто и молча. В их молчании было что-то пугающее. Некоторые из них несли свернутые транспаранты с надписями на латинице. Несколько голов повернулось в сторону парочки. Тамара Петровна невольно взяла Веню под локоть. Когда дробный топот ног удалился, завуч сказала:

– Здесь неподалеку штаб «Народного фронта». Наверное, готовятся к очередной акции. Вас не пугает происходящее?

– Мне это напоминает документальную хронику. Помните – фашистская Германия, коричневые рубашки, повязки со

свастиками на рукавах, факельные шествия, сожжение книг в кострах, избиение евреев, уничтожение инакомыслящих. Тогда оголтелая толпа орала: «Мы избранная нация сверхлюдей!» Остальных в топки. Сегодня, здесь, нам орут те же фанатики: «Русские оккупанты – вон из Молдавии!» Я оккупант? Меня грудным ребенком родители привезли в республику. Молодые инженеры – они строили здесь заводы, жилье. Четверть века передавали местным аборигенам знания и опыт. А теперь моя мать и сотни тысяч таких, как она – оккупанты? Тупые ублюдки! Если бы вся эта необразованная свора почитала мировую историю, они бы поняли какие они ублюдки. Национализм – тот же фашизм. Клоуны! Румыны считают себя расой выше и чище, чем молдаване. Молдаване – лучше, чем гагаузы. Гагаузы не согласны ни с теми, ни с этими и требуют автономии. Я слышал, что в Узбекистане каракалпаки именуют себя элитой нации. А где-нибудь в Африке в племени тумба-юмба голые негры называют себя избранниками какого-нибудь каменного идола Бабахули только потому, что в отличие от своих соседей из племени юмба-тумба их хрены длиннее на один миллиметр в общем измерении.

Тамара Петровна кашлянула в кулачок.

– Извините, – спохватился Веня. – Иногда меня заносит.

– Ничего. Зато очень образно и справедливо. От моего мужа и не такое услышишь. Он молдаванин. В моих жилах течёт русская кровь по материнской линии и армянская кровь

по отцовской. Так вот, когда муж не в командировке, а дома – я часами слушаю монологи о величии молдавской нации, о том, что без России Молдова превратится в цветущий край. Василий, так зовут мужа, договорился до того, что Молдова кормит Россию. Молдавия – аграрная республика, ее на карте мира с лупой не найдешь, и эта блоха способна накормить такую махину, как Россия. Бред! Я так и заявила мужу. Случился скандал. Меня обвинили в великодержавном шовинизме. Как же, я поддерживаю врагов нации!

– Великая нация, – с горькой иронией заметил Веня. – Одни только лозунги «Русские вон из Молдовы!» и «Молдавия – для молдаван!» чего стоят! Оказывается евреи, гагаузы, украинцы, греки, армяне, грузины – тоже русские и тоже вон! Работницы в бригаде, где я в настоящее время тружусь, как и ваш муж доказывают мне, что ленивых россиян кормят несчастные молдаване! Как вам творческая интеллигенция и рабочий класс спелись, а?!

– В армии, – продолжал Веня, – чаще зверствовали те «деды», которым доставалось от предыдущих «дедушек». Я спросил одного такого «молодца», зачем он издевается над молодыми, на что тот ответил: «А как иначе! Меня мордовали, должен же я отдать «должок». Зачастую за зверства одних расплачиваются не те, кому бы следовало получить по счетам.

Скутельник и Тамара Петровна миновали игровые аттракционы. Карусели, качели и горки выглядели брошенными

арестантами за железной изгородью. Сторожевая будка пустовала. На входной калитке желтого цвета висел замок на цепи. За калиткой рыжая дворняга с опущенным хвостом подняла морду, нюхая воздух.

Они спускались по ступенькам к озеру. Каблочки Тамары Петровны, попадая на палые листья, издавали приглушенный звук, не такой цокающий, как на голом асфальте. Опасаясь оступиться на плохо освещенных ступеньках, завуч снова взяла Венедикта под руку.

– У вас такие мускулы! – воскликнула она.

– Физкультура. По этой самой лестнице, – Веня кивнул на длинный марш впереди, уходящий за темные стволы деревьев, – не раз взбегал вверх и обратно. Дома гантели, турник... Балуюсь в свободное время.

– Похвально. А моего Василия и одного раза присесть не заставишь.

– Чем он занимается, ваш легендарный Василий?

– До «перестройки» был нормальным человеком – преподавал в музыкальном училище. С тех пор как спекуляцию узаконили – бросился, как большинство голодранцев, зарабатывать «большие деньги». Вечно ведет какие-то переговоры с такими же «бизнесменами», как он, строит грандиозные планы, продает и покупает воздушные замки, воздушные алмазы и воздушную нефть за воздушные деньги. Вот уже второй месяц он звонит мне из Италии и обещает, что вот-вот мы станем миллионерами, а семью содержу я. У нас

есть сын Даня. Замечательный мальчик, играет на скрипке. Подаёт большие надежды. Надеюсь, во мне говорит не слепая материнская любовь, а трезвая оценка профессионального педагога.

Они вышли на дамбу. Слева черным глянцем поблескивало озеро. С дальнего берега в воде отражались огни фонарей. Редкие прохожие спешили по своим делам и исчезали в темноте так же неожиданно, как появлялись.

– Вы обратили внимание, Венедикт, что празднующихся людей стало гораздо меньше? – спросила Тамара Петровна.

– Все укрываются от надвигающихся невзгод и неопределенности. Я постоянно наталкиваюсь на хмурые или растерянные лица. В глазах вопрос: «Что дальше?»

– Ну и как, по-вашему, что дальше?

– Как учит история, резкие перемены ни к чему хорошему не приводили, во всяком случае, на первых этапах. Ни одна революция не сделала людей по-настоящему счастливыми, хотя все революционеры были убеждены, что несут народам счастье.

– Мы пришли, – Тамара Петровна остановилась у открытого подъезда пятиэтажного дома, где некогда располагался «военторг». Венедикт в детстве забегал сюда поглазеть на золотистые звездочки в витрине, которые лежали отдельно от погонов, командирских часов, компасов и других необыкновенных вещей для военных. – Спасибо за прогулку, – Тама-

ра Петровна пожалала Венедикту руку. – Завтра в одиннадцать утра жду вас на занятие в моем классе.

– Но завтра суббота!

– Будем наверстывать полтора месяца отставания.

– Не полтора месяца, а лет, эдак, около двадцати, – грустно заметил Скутельник.

– Какие ваши годы! Рафаил Данилович в свои пятьдесят восемь полон творческого энтузиазма. Берите с него пример.

– Вы предлагаете отложить мое обучение еще на тридцать четыре года?

– До завтра!

Тамара Петровна махнула на прощанье и зашагала к подъезду.

Веня явился на первый урок, как на первое свидание с девушкой: торжественный, взволнованный и в начищенных до блеска туфлях.

– Только не говорите, что учеба для вас всегда праздник! – заметила Тамара Петровна.

Скутельник пропустил шутку мимо ушей. Лоб и ладони его взмокли от пота.

– Держите спину прямо, – приказала завуч. В отличие от Вени, который сидел на винтовой табуретке, она расположилась на деревянном стуле чуть поодаль от пианино.

В этот день Скутельник узнал, что такое нотный стан, октавы, тона и полутона, диезы и бемоли; узнал, в какой последовательности они расположены на клавиатуре, как пишут-

ся, для чего нужны. Он попробовал сыграть гаммы и к его большому удивлению у него получилось.

– Не проваливайте ладони, – время от времени повторяла Тамара Петровна.

Веня включился в работу. Он сосредоточился на игре. Его не сбил с ритма даже грохот отбойного молотка за окном. Тамара Петровна нервно передернула плечами.

– Приспичило им долбить асфальт в выходной день, – проворчала она.

Но Веня не слышал ее. Он отдался во власть звуков. Он недоумевал. *Он* играет на пианино. Ему не быть виртуозом. Веня понимал, что слишком поздно взялся учиться музыке. Но он не в праздных мечтах, а наяву прикоснулся к настоящему. Оторвался от серой действительности, переступил через сомнения. Радость переполняла его. С каждой минутой в нем росла уверенность, что любое дело ему по плечу. Столько раз в детстве и юности он представлял себе, как садится за инструмент и легким глиссандо привлекает внимание друзей и посетителей какого-нибудь ресторанчика. Затем наигрывает знакомые мелодии, добавляет экспрессии, ловит кураж, импровизирует. На него обращены недоуменные взгляды. Недоумение сменяется восхищением. Ему хлопают и подбивают ногами в ритм, восторженно подбадривают и по окончании игры бурно аплодируют и горячо приветствуют. Просят сыграть еще. Он снова заводит публику. К его джазовым импровизациям подключаются другие музы-

канты. Саксофон, барабаны, труба... Все это жило в мечтах и должно было умереть вместе с ними. До сегодняшнего дня. Сегодня Веня понял, что способен на многое. И для этого не обязательно идти напролом. Достаточно соизмерить свои желания и возможности и для начала попробовать из мечты переступить в реальность. Веня переступил. Ликование, ощущение праздника, внутренний подъем и желание двигаться вперед преобразили его. На щеках появился живой румянец, глаза заблестели. От него исходило свечение счастья и энергии.

Два часа занятий пролетели на одном дыхании. Венедикт с сожалением посмотрел на часы и на Тамару Петровну, которая поднялась со стула и пересела за письменный стол.

– Признайтесь, Венедикт, в школе или в институте вы не садились за клавишные? – спросила завуч.

– Нет. Я стеснялся...

– Для новичка совсем неплохо. Вы быстро усваиваете. Работаете с желанием. Рьяно. Вы меня удивили.

Скутельник покраснел от удовольствия и смущения. Тамара Петровна невольно улыбнулась. Какой он еще ребенок. Краснеет. Все написано на его лице. Восторг, разочарование, отчаянье, радость. Интересный малый...

– Как я понимаю, пианино у вас дома нет, – сказала она.

– Нет.

– В таком случае, вот вам ключ от моего класса. Приходите заниматься в свободное время. Сторожа я предупрежу.

Договорились? – завуч вынула из сумки и положила на стол ключ.

– Спасибо!

В «спасибо» Веня вложил такое разноцветие эмоций, что у Тамары Петровны сжалось сердце. Она не ожидала обнаружить во взрослом человеке столь открытую искренность. Ей стало грустно и жалко парня, которому, как и многим его предшественникам на планете Земля, предстояло познать горечь разочарований, утратить пылкость и девственность мировосприятия и со временем пополнить армию присмиривших обывателей. В сердце Тамары Петровны загоралась искра сострадания исключительно к особям мужского пола не старше двадцати пяти лет. Она сострадала им «по-матерински», невзирая на то, что, например, с Венедиктом их разделяло не больше десяти лет. Видимо, исключительно из чувства материнства, завуч, пользуясь своим служебным положением, отбирала в свою группу перспективную молодежь. Коллегам Тамары Петровны доставались «бывшие в употреблении» разведенные холостяки, вышедшие живыми из битв за счастливое семейное благополучие или вдовцы, придавленные грузом невосполнимых потерь. Дабы исключить кривотолки и не бросать тень на свою безупречную репутацию замужней женщины счастливой в браке, завуч водила дружбу с более молодыми товарками, позволяла им флиртовать со своими учениками, в глубине души глубоко страдая от этого, как страдают женщины, давно остывшие к сво-

им стареющим и скучным мужьям.

Появление Венедикта обещало внести в жизнь Тамары Петровны разнообразие. Молодой и энергичный, с душой не тронутой коррозией разочарования и пресыщенности, он искал свое место на ветвях раскидистого дерева жизни. Он не производил впечатления ветреного себялюбца или упрямого искателя пресловутого «смысла жизни», он шагал, сам не ведая куда, легко и непринужденно, так, как умеют шагать люди в молодости. Тамара Петровна давно разучилась так ходить, и невольно ее потянуло вернуться на десять – пятнадцать лет назад и без оглядки бежать навстречу радостному «завтра», подставляя лицо и руки весеннему солнцу. Но в прошедшую юность ее никто не брал, а так хотелось, и никто не шептал на ушко приятных глупостей про любовь, ах, как давно это было – горение сердца, истома ожидания, трепет прикосновения, слезы счастья – все в прошлом, неужели в прошлом?! Уже в прошлом?!!

Тамара Петровна спросила:

– Вы живете с родителями? – хотя спросить хотела совсем другое.

– С мамой. Они с отцом давно разошлись.

– А друзья? У вас есть друзья?

– Разумеется. Но сейчас они далеко. Практически с мамой мы остались одни в республике. Отец и его родня в Москве. Родственники матери – во Владимирской и Ярославской областях. Родители перевезли меня из России в младенчестве.

Мать настаивает вернуться на историческую родину. Выбирает варианты обмена.

– Сейчас многие уезжают.

За рифлёным стеклом двери показался силуэт. В кабинет вошел молодой человек двадцати пяти лет в коричневой рубашке в крупную клетку и серых брюках без ремня и подтяжек. Узкие бедра, плоская грудь, черные реденькие усы и зачесанный набок тёмно-русый чуб очень отдаленно напоминали фюрера Германии времён третьего рейха. Глаза «фюрера» возбужденно блестели, щеки пылали пурпуром:

– Слышу – закончили, дай, думаю, позову на чай, – сказал он.

– Здравствуйте, Анатолий! – поздоровалась Тамара Петровна.

– Ах, да! Прошу великодушно извинить! Здравствуйте, – Анатолий сделал два шага к столу завуча и в полупоклоне приложился губами к ее руке.

Тамара Петровна иронично ухмыльнулась.

– Вот, Венедикт, познакомьтесь. Анатолий Евсеев, мой ученик и завхоз нашего заведения в одном лице. Судя по характерному румянцу и блеску глаз одним чаем не обошлось.

– Так ведь праздник! – воскликнул завхоз.

– Какой?!

– Сегодня родился великий тенор Лучано Паваротти, а двумя днями раньше – Джузеппе Фортунино Франческо Верди, автор опер «Риголетто», «Трубадур», «Травиата»,

«Аида», «Отелло» и тому подобное.

– Толя, вижу, вы растете над собой! – похвалила Тамара Петровна.

– Должен же я знать, за чью бессмертную душу отдаю по капле частицы своей печени, словно Прометей на горе Эль-брус.

Завуч представила Венедикта.

– Ну, что, коллега, – Евсеев обратился к Венедикту, – есть повод! Так сказать, за знакомство, за начало учебного года, за праздник, за отца, сына и святого духа. Приглашаю, – в легком полупоклоне завхоз двумя руками сделал приглашающий жест к выходу.

– Вы как? – спросила Тамара Петровна Скутельника.

– Если это входит в программу обучения – я «за».

– Систематическое чествование гениев – основополагающий стержень музыкального образования! – заявил завхоз, пропуская Венедикта вперед. – Тамара Петровна, захватите шахматы. Пальцы вы уже размяли, пора размять мозги.

– Вы считаете, что алкоголь поможет вам победить? – завуч взяла шахматную доску с книжного шкафа. – Не надейтесь – у меня разряд.

– Всем известно о вашем спортивном разряде, но меня это не остановит. Рано или поздно я вас одолею. Небольшая доза спиртного раскрепощает мысль, и та парит, парит... – Евсеев раскинул руки, изображая планер.

– Представляю себе матч Карпова и Каспарова за чем-

пионскую корону. Оба склонились над доской с фигурами. Зрительный зал затих в ожидании. Напряженная тишина. Карпов откупоривает початую бутылку «Белого аиста», подливает в фужеры сопернику и себе, ставит бутылку на место, дзинькает о фужер Каспарова: «Давай, Гарик, раскрепостись!» Задумчиво выпивают. Каспаров делает ход. «Вам мат, коллега!» Оба снова тянутся к бутылке, – включился в разговор Веня.

Зарисовка Венедикта привел Евсеева в восторг. Он расхохотался.

– Аплодисменты!

В каптерке завхоза под потолком устойчивым перистым облаком мирно парил табачный дым. В центре журнального стола с облупившимися ножками стояло овальное блюдо из фарфора. В него тонкими дольками заботливо уложили докторскую колбасу, вымытые огурчики с пупырышками и мясистые помидоры в капельках воды. Вокруг блюда расположились разнокалиберные стаканы и фаянсовые кружки, наполненные красным вином; выдавшие виды алюминиевые вилки с волнистыми зубцами и наполненная окурками литровая банка из стекла. Белая десятилитровая канистра из пластмассы стояла под столом у ног молодого мужчины. При появлении Евсеева и новых гостей мужчина подвинул свой стул к белокурой незнакомке с пышной грудью под синей кофтой из мохера. Та в свою очередь, тархтя ножками табу-

ретки по дощатому полу, отодвинулась к даме в квадратных очках и бардовой шляпе «котелок». Дама с царственным видом держала в одной руке стакан вина, в другой вилку и насаженный на зубец ломоть колбасы. Стакан вина, колбаса и шляпа на голове по замыслу должны были сражать мужчин наповал. В татарских глазах «царствующей особы» плясали блядские огоньки.

– Судя по размерам канистры, ваша любовь к Лучано Паваротти и Джузеппе Верди почти безгранична, – заметила Тамара Петровна.

– Любовь к искусству – вот что безгранично, – ответил мужчина. В нем Скутельник узнал давешнего «качка» с гитарой.

Тамара Петровна представила Венедикта собранию. В женском обществе произошло легкое оживление. Дамы предлагали место подле себя, но рука завхоза легла на плечо Скутельника, и тот плюхнулся на стул рядом с «качком» и его канистрой.

– Закончим прения, приступим к торжественной части заседания! – объявил Евсеев. Он предложил тост за итальянского тенора. Выпили. Тамара Петровна пригубила.

– Да ты не пугайся, Венедикт, – успокоил Скутельника «качок», которого звали Юрий. – Мы не идейные идиоты. Паваротти – только повод. Не было бы его, выпили бы, – Юрий посмотрел на отрывной календарь на стене, – за именины Кириака и Феофана. Да мало ли.

Он встал, сделал два шага и отодвинул занавеску на бельевой веревке. Венедикту открылись длинные стеллажи, уходящие вглубь комнаты. Что на них лежит было не разобрать, но на переднем виднелись тома «Большой Советской Энциклопедии» в синей обложке.

– В час досуга, когда заедает бытовуха, а душа просит, нет, она кричит: «Дайте, дайте же мне праздника!» Анатолий Дмитриевич раскрывает одну из этих замечательных увесистых книг и листает страницы, отыскивая какого-нибудь замечательного человека или замечательное событие в жизни всего человечества. Ибо, как известно, когда мы выпиваем по поводу – это праздник, а без повода – бытовая пьянка. Мы не пьяницы, верно? – Юра протянул руку к гостям завхоза в поисках поддержки.

– Боже упаси! – воскликнула «царствующая особа» в бардовом «котелке». Ее представили как преподавателя сольфеджио по имени Елена Валерьевна. С каждым выпитым глотком вина огонь в глазах дамы разгорался ярче. Она постреливала в Скутельника одиночными выстрелами своих раскосых глаз, готовя решительную артподготовку с последующей за нею «атакой и рукопашным боем». Это Веня понял, когда дама предложила потанцевать «лирическую» (из динамиков включенного завхозом кассетного магнитофона звучали песни Хулио Иглессиаса) и придвинула свою табуретку к его стулу. Не отставала от нее дама с пышным бюстом в синей кофте. Ее тоже звали Еленой, она занималась

преподаванием по классу фортепиано, и также постреливала одиночными и подсаживалась ближе к «холостому мужчине», так же была полна решимости и огня. Отличало ее от товарки отчество – Леонидовна – и наличие двух детей. Веня любил детей, но об отцовстве в ближайшее время не думал, тем более об усыновлении. Оказавшись под перекрестным огнем, Скутельник продолжал изображать из себя «невинность во плоти», мысленно взвешивая, с которой из двух Елен начать, и стоит ли это делать. Виноградное вино все быстрее разгоняло молодую кровь и богатое воображение Вени, толкая на подвиги. Но благоговейное отношение к искусству помогло ему справиться с искушением и не превращать Дом Просвещения в обитель разврата. Отодвинув на потом неожиданно возникшую задачу с двумя известными, Скутельник пересел на стул против Тамары Петровны и вызвался сыграть партию в шахматы. Завхоз Евсеев освободил место за доской. В очередной раз он проиграл и теперь бурно обсуждал с Юрой, на каком ходу счастливая звезда победы заползла за черные тучи поражения.

По тому оживлению, какое вызвала его решимость сразиться с непобедимой разрядницей, Скутельник понял, что внес интригу. Даже две Елены поднялись со своих мест и обступили противников. Мясистый лоб завуча разрешила глубокая поперечная складка, она сделала первый ход центральной пешкой и нажала на клавишу часов.

Веня играл в шахматы по настроению. Месяцами обхо-

дился без них, но если предлагали партию – не отказывался. Иногда у него получались интересные комбинации, иногда не очень, но никогда в игре ему не бывало скучно. Специальную литературу он не читал, в шахматную секцию не ходил. Это и решило исход сражения на доске с Тамарой Петровной. Он проиграл.

Зрители с вздохами разочарования потянулись на свои места.

– Молодец, наш человек! – похвалил Венедикта Евсеев и дружески потрепал по плечу. – Мы все проигрываем, и ты не отрывайся от коллектива. Если бы коня вовремя убрал – точно на ничью вытянул бы! Мыслишь оригинально, но в мелочах не дорабатываешь. У тебя есть потенциал. Выпьем за победу над непобедимыми!

Завхоз протянул Скутельнику полную кружку и снова уселся за шахматную доску с неугомонной Тамарой Петровной.

Елена Валерьевна решительно вызвала Веню на «лирическую» и прижала к себе, обдавая горячим дыханием. «Котелок» на ее голове сполз на затылок. Начинаящего музыканта перехватила Елена Леонидовна. После «страстного» танца пуловер Вени облепило синими мохеровыми нитками. Веня снова играл в шахматы и несколько раз кряду выпивал с дамами на брудершафт по их требованию. Потом слушал «задушевный» рассказ Юры о том, как генерал Косташ, начальник молдавского ДОСААФа вручал ему удостоверение

мастера спорта СССР по военно-прикладному многоборью. Спортсмен-гитарист долго втолковывал Вене, какие дисциплины входят в многоборье. Из его пьяного монолога становилось ясно, что игра на гитаре – основополагающий стержень этого замечательного вида спорта.

Завхоз Евсеев уговорил Елену Валерьевну поиграть на рояле в зале. Вдохновленный Гершвином он принялся отбивать чечетку, что вызвало истерический смех у Юры и недоуменный восторг двух Елен, потому что с таким же успехом мог звучать танец маленьких лебедей или «собачий вальс» – ноги завхоза отбивали бы всё ту же дробь.

На шум в зале для хорового пения явился сторож – студент консерватории Григорий. Увидев, что в мероприятии задействованы члены администрации дома работников просвещения, он собрался смиренно удалиться в свою каморку на первом этаже, но Юрий перехватил тоскливый взгляд студента, направленный на колбасу в соседней комнате, подвел к столу, налил вина и положил рядом со стаканом бутерброды.

Когда за окнами окончательно стемнело, завхоз объявил, что «горючее» кончилось. Он потряс канистру и перевернул ее вверх дном. Все в замешательстве уставились на пустую емкость. Веселье, набравшее обороты, оказалось под угрозой срыва. Тамара Петровна выглядела значительно трезвей остальных. Она сказала:

– Мой Василий в командировке, сын у матери. Приглашаю

в гости. Но предупреждаю – у меня только коньяк и нечем закусить.

Приглашение завуча вызвало оживление коллектива. Перспектива заедать коньяк колбасой и огурцами вызывала у Евсеева пьяный восторг. «Мои аплодисменты!» Остатки еды сунули в целлофановый пакет. На улице поймали такси – желтую «Волгу» с шашечками на крыше. Таксист мотал головой, отказываясь везти шестерых. Но уступил под натиском обещанных пяти рублей вместо положенных двух по прейскуранту. Худощавая фигура сторожа Гриши в поношенном пиджаке с протертыми рукавами исчезла за окном автомобиля вместе с уличным фонарем и выступающим из темноты стволом платана. Елена в «котелке» с удовольствием водрузилась на колени Венедикта, больно отдавив ему ноги. Пока она ворковала ему на ухо любезности, Веня скрипел зубами на каждой кочке. Когда машина остановилась, он с силой и в нетерпении уперся руками в основательные ягоды «примадонны», выталкивая их обладательницу на тротуар. Почувствовав «ухаживания», дама легонько шлепнула Веню по рукам и кокетливо прощebetала: «Шалунишка».

В комнате с высоким потолком атмосферу уюта создавали приглушенный свет бра на стене и легкий джаз из колонок музыкального центра. Вдоль стен – полки с виниловыми пластинками и немного книг. Напротив угловой диван и столик с закуской и бутылкой откупоренного коньяку «Белый аист». Над диваном фотопортрет шестилетнего мальчи-

ка в костюме пажа в фиолетовой беретке с павлиньим пером и плюмажем. «Мой Даниил!» – пояснила хозяйка квартиры. Она в очередной раз выиграла партию у Венедикта в шахматы. Венедикту игра порядком надоела, но он продолжал упорствовать, надеясь взять измором. Рядом, надув губки, со скучающим видом сидела «пышногрудая Елена». Она смотрела в одну точку окосевшими глазами и время от времени то ли всхлипывала, то ли икала. В соседней комнате на топчане, прикрытый пледом храпел Юрий, сраженный коньяком. «Царствующая Елена», потеряв интерес к шахматам и Венедикту, обратила всю нерастрченную страсть на завхоза. С балкона в зарослях винограда, спелые гроздья которого мирно свисали над головами пьяных «любовников», доносились возня, мычание и звуки поцелуев. В прихожей рядом с мужскими туфлями валялся бардовый «котелок» с вмятиной от чьей-то неосторожной ноги.

Партия затянулась. Настольные часы показывали полтретьего утра. Веня уже мало что соображал. Шахматные фигурки плыли у него перед глазами.

– Я предлагаю ничью, – услышал он словно из туннеля голос Тамары Петровны.

– Согласен, – не раздумывая ответил Скутельник. Он попытался встать, с намереньем поблагодарить гостеприимную хозяйку и отбыть восвояси, но его так качнуло, что он рухнул на место и закрыл глаза.

Открыл он их, испытывая сильнейшую головную боль. Ря-

дом с ним под шерстяным пледом лежало и сопело чье-то тело. То была Елена Леонидовна. Ее мохеровый свитер и черная юбка скомканными валялись в кресле. Обнаженная рука обнимала зажатого в угол Юрия. Страждущая мужской ласки женщина искала утешения у спортсмена-гитариста. Нашла ли, было неизвестно Скутельнику – память отказывалась выдавать информацию. Из окна между увесистых штор пробивался толстый солнечный луч. Откуда-то доносился бубнящий мужской голос. Веня встал, обнаружив, что спал в брюках, и пошёл на голос. Он вышел в кухню. За столом друг против друга сидели Тамара Петровна в шелковом домашнем халате с золотистыми узорами на голубом поле и завхоз Евсеев с помятым, как его рубашка, лицом. На столе стояла начатая бутылка «Негру де пуркарь». По лицу Венедикта он все понял и молнией метнулся к шкафу с посудой. Налил полный стакан из бутылки и протянул «страждущему». Скутельник без лишней проволочки осушил сосуд, выждал несколько секунд и когда почувствовал, как в голове наступает просветление, осторожно выдохнул и сказал:

– А вот теперь доброе утро!

Завхоз Евсеев налил ему еще полстакана «для облегчения всего организма». Новая доза подействовала на Венедикта благотворно. Тошнота отступила.

– Можете принять душ, – предложила Тамара Петровна.

Струи контрастного душа взбодрили Скутельник. Когда он снова предстал перед помятым завхозом, тот при виде

преображенного товарища изъявил желаний тоже ополоснуться. Через минуту из ванной донесся его гомерический смех. Он вышел с головы до пят в пене, обмотанный банным полотенцем.

– Воду отключили!

В чайнике на плите оставалось немного воды. Тамара Петровна предложила смыть мыло хотя бы с головы. Когда Венедикт вызвался помочь Евсееву, который, не переставая смеяться, наклонился над раковиной, из носика чайника ему на затылок полился не остывший кипяток. Евсеев взвыл и резко выпрямился, больно ударившись об полку, с которой рассыпью на кафельный пол посыпались склянки и туалетные причиндалы. На шум явилась встревоженная Тамара Петровна. Чистым полотенцем она вытерла лицо пострадавшего завхоза. Ничего не оставалось, как дожидаться подачи воды. Евсеева посадили подальше от двери, опасаясь сквозняка. Пузыри мыла на его теле и всклокоченных волосах лопалось, издавая легкое шелестение. Постепенно тело обсыхало. Через четверть часа зуд стал нестерпимым. Когда в кухню вошел Юра, а следом за ним Елена Леонидовна, завхоз чесался всюю, проклиная водопроводчиков. Оба застыли в недоумении, а затем протрезвевшая и притихшая было Елена Леонидовна, разразилась смехом.

– Боже, Толенька, что она с тобой сделала!

– Кто она?

– Елена Валерьевна!

– Она ушла ночью. Сказала, что ей опостылело ВСЕ. Запретила себя провожать и хлопнула дверью, – пояснил завхоз. – Нет, определенно нужно что-то предпринять. Неизвестно, когда эти разгильдяи дадут воду, может, через час, а может быть, завтра утром. Не сидеть же мне здесь в таком виде.

– Давайте купим воды в магазине, – предложил Венедикт. Идея понравилась.

– Только не покупайте «Дюшес» – он сладкий, – напутствовал обсохший завхоз.

Скутельник и Юрий вернулись с дюжиной «Боржома».

– Магазины еще закрыты, а в продуктовом ларьке другой воды нет, – сообщил Скутельник.

Омытый «Боржомом» Евсеев вышел из ванной комнаты причесанный и в приподнятом настроении. Юрий сослался на дела и отбыл вместе с Еленой Леонидовной, которая вспомнила об оставленных дома детях. На помятых лицах музыкантши и спортсмена блуждали гадливые улыбки. Ни тот, ни другая не могли вспомнить ни событий минувшей ночи, ни какая сила и насколько глубоко толкнула их друг друга в объятия. На всякий случай дама разрешила проводить себя и на тот же случай многозначительно кивнула Венедикту на прощанье.

– Первое занятие удалось на славу, – резюмировал Скутельник.

– Тамара Петровна, ему понравилось! – воскликнул зав-

хоз Евсеев. – Он прирожденный музыкант!

– Погуляли и забыли, – ответила Тамара Петровна. Она прикурила от протянутой зажигалки завхоза тонкую сигарету и обратилась к Скутельнику. – Пока вы отдыхали, мы с Анатолием перебирали варианты вашего трудоустройства. Вы не против нашего вмешательства в вашу личную жизнь.

– Нет, разумеется. Хотя, не понимаю, чем вызвал такое доверие. Вы меня совсем не знаете, – ответил Венедикт.

– Уже познакомились, – вставил Евсеев. – Людей видно сразу. Ты – наш человек.

Тамара Петровна изложила суть дела. Оно сводилось к тому, что ее знакомому директору спортивной школы плавания и настольного тенниса нужен завхоз, не «с улицы», а «свой, надежный парень».

– А я надежный? – спросил Венедикт.

– Хватит выделываться, – осадил его Евсеев. – Пойдешь? Место хорошее. Не пожалеешь.

– Возьмут – пойду.

Тамара Петровна удовлетворенно кивнула и вышла с переносной телефонной трубкой в комнату. Вернувшись, сообщила, что во вторник Скутельника ждут на собеседование, написала шариковой ручкой адрес и подала Вене сложенный вдвое лист.

– Все, ребята, сказала она. – Вам пора. Скоро свекровь приведет Данилку. Нужно прибраться.

В реставрационном управлении уговаривать Венедикта не стали. Оформили увольнение по собственному желанию в один день. Начальник кадров понимающе подмигнул: «Если пойдешь по комсомольской линии – запись, что надо. Штукатур-маляр третьего разряда. Начал, так сказать, с низов. Рабочим».

Девчата из бригады на прощанье подарили ему шерстяной шарф в зеленую и красную полоску. Ком подступил к горлу Вени. Он прошел по кругу и каждую поцеловал в щеку. «Заходи в гости». Все разошлись по рабочим местам. Вера, последний раз затянувшись ядрёной «Дойной», придавила окурок в щебень каблуком башмака и сказала:

– Всегда говори правду...

– ...Если не хочешь обосраться, – закончил Вени.

Помимо директора спортивного комплекса Биткова Дмитрия Кирилловича, куда вошел Скутельник, в кабинете сидел завуч школы Садыковский Сергей Владимирович. Оба встали из-за стола и по очереди поздоровались с Веной за руку. Сорокалетний директор – кряжистый и почти лысый с морщинистым лбом, напоминавшим стиральную доску, оказался небольшого роста и едва достигал плеча Венедикта. Завуч – осанистый мужчина пред пенсионного возраста, с зачесанными назад седыми волосами, в спортивной футболке и тренировочных шароварах – был упитан, румян и слегка навеселе. Венедикту предложили стул посередине комнаты.

Для полного антуража не хватало настольной лампы с ярким светом в лицо и вопроса: «Шпрехин зи дойч?».

Веня положил руки на колени и застыл в ожидании. Битков представился и представил коллегу. Он попросил Венедикта рассказать о себе. Веня принялся повествовать историю своей ничем не примечательной, по его мнению, жизни. Когда выяснилось, что претендент на место имеет весьма смутное представление об обязанностях завхоза, директор и завуч многозначительно переглянулись. Веню попросили подождать в коридоре. Возникла дилемма – брать или не брать молодого неопытного специалиста. После непродолжительных переговоров директор резонно заметил:

– Оно, может быть, даже хорошо, что неопытен – научим, покажем – зато воровать не будет.

– Первое время, – окоротил оптимистический настрой начальника Садыковский.

– А если «ошибется»...

– ...Поправим, как старшие товарищи, – поддержал завуч.

Веню позвали.

– Как насчет вредных привычек? – поинтересовался Битков.

– Вредная привычка становится вредной, если наносит вред окружающим, во всех остальных случаях вред не является вредительством, а привычка – вредной, – ответил Скутельник.

Битков удовлетворенно кивнул:

– Умный. Оформляться начнёшь завтра, – заявил он. – Идем, покажу тебе наше хозяйство.

Венедикту показали крытый двадцати пяти метровый бассейн. Пять верёвок, вытянутых в длину от бортика к бортику, с нанизанными на них белыми и красными пластмассовыми шарами, разделяли водную гладь на шесть дорожек. По бортику с алюминиевым шестом на плече ходил пожилой тренер в парусиновых шортах и белой футболке. На шее его болтался железный свисток. Рядом с бортиком барахтались дети, поднимая снопы брызг. Тренер перекрикивал их визг, объясняя и показывая, что надо делать, и подавал шест, «терпящим бедствие».

– «Четвертак» или «короткая вода» на спортивном сленге, – пояснил директор, обозначив длину бассейна. – Плавать умеешь?

– Предпочитаю ходить по суше.

– Тогда в нетрезвом виде без необходимости в воду не лезь. Техника безопасности превыше всего.

Они обошли раздевалки, душевые комнаты. Спустились в обширный подвал, где помимо труб и прочего оборудования имелась комната отдыха с телевизором, баром и раскладным диваном. Имелся в подвале и настоящий бильярдный стол, обитый зеленым сукном. Молодой человек в спортивном костюме в одиночку гонял шары. С ним Битков поздоровался за руку и представил Венедикту.

– Николай. Тренер по плаванию. Игру на бильярде из хоб-

би превратил в источник обогащения. В свободное от работы время оттачивает мастерство. Играет на деньги. За вечер может заработать свой месячный оклад.

– Смотря, на кого нарвешься, – отозвался Николай. – Тот же оклад можно оставить на столе за тот же вечер.

Экскурсия закончилась осмотром склада со спортивным инвентарем, бытовки для рабочих и кабинета завхоза. Прямоугольная комната под лестничным маршем с единственным окном и железной решёткой на нем напоминала одиночную камеру улучшенной планировки. Канцелярский стол, деревянный стул, вдоль стены шкаф с папками и сейф для хранения ценностей. Битков повернул длинный ключ в замочной скважине сейфа и извлек из него трехлитровую банку красного вина, тарелку с куском брынзы и нарезанным батоном.

– В конце рабочего дня мы обычно подводим итоги, – пояснил директор. – Ты как?

– У меня еще занятия по сольфеджио и хор.

– Заодно голосовые связки прочистишь.

Венедикт не стал отпираться, помня, как один непьющий в коллективе выпивающих может испортить общую атмосферу единения душ. В доверительной беседе Скутельнику объяснили, что в его задачу входит строгое соблюдение субординации и прилежное исполнение распоряжений начальства. Бесперебойное обеспечение работы комплекса, для чего в подчинение завхозу передаются трое рабочих, две убор-

щицы и три работницы регистратуры.

– Часто к нам приходят с просьбами – устроить ребенка в группу плавания, помочь с абонементом в группу здоровья, просто отдохнуть. Мы идем навстречу «нужным» людям. Со временем и к тебе обратятся. Отвечать не спеши. Помни, здесь решения принимаются коллегиально. Директор, – Битков указал большим пальцем на себя. – Завуч, – указательным на Садыковского, подсевшего к ним, – и завхоз. Потом люди благодарят. Кто натурой, – Битков выразительно посмотрел на банку и тарелку, – иные норовят купюру сунуть. Тут, Венедикт, держи ухо востро. У «чужих» прямо не бери, только через посредников. Мало ли. И помни – мы всегда рядом. Сомневаешься, не знаешь, как поступить – сразу ко мне или Сергею Владимировичу. Понял?

– Понял.

– И никаких опозданий. В девять часов – как штык на работе. Можешь после по своим делам бежать, но чтобы я знал, где тебя искать. В шесть часов тоже чтоб был на месте.

– Утром – развод, вечером – проверка.

– Молодец! Сразу видно человек в армии служил. Порядок знает! – похвалил Битков.

– Бассейн – место «тёплое», – продолжил директор. – Многие облизываются. Ждут ошибок с нашей стороны – чтобы подвинуть. Наша задача не давать врагам ни малейшего шанса, ни малейшего повода нас очернить. Времена тревожные. Националисты голову поднимают. Ты молдавским язы-

ком владеешь?

– Нет.

– То-то и плохо. Поговаривают, что с руководящих должностей смещать будут, кто языка не знает. Пока до этого не дошло, но сам видишь – страна разваливается. «Народный фронт» требует объединения с Румынией. Молдаване, творческая интеллигенция орут про засилье русского языка в прессе. Одни «за», другие «против». Вот тебе и «новое мышление», – Битков акцентировал ударение на первом слоге в последнем слове.

– Вам бы еще пятно на темени и росточка сантиметров пятнадцать добавить – могли бы на митингах за «Горбатого» речи толкать. Очень складно получается, – похвалил Веня директора.

– Ладно, иди, пой, – ответил Битков. – Тамаре привет от меня.

На урок сольфеджио Венедикт опоздал. Елена Валерьевна, не переставая вести занятия, полувсерьёз строго сдвинула брови. Веня занял место за последним столом и раскрыл нотную тетрадь. Взрослые «дяди» и «тети» старательно записывали за преподавателем. Был здесь и Рафаил Данилович, и «тракторист» Иван Тимофеевич, и обладавшая плохо поставленным меццо-сопрано Маша Дурлештян – бабушка двух взрослых внуков, один из которых заезжал за ней по окончании занятий на белой «копейке». В свои неполные

семьдесят лет бабушка Маша боялась темноты и насильников, которыми с упоением и красноречиво пугала обывательниц «окрылённая гласностью» пресса. В сторонке сидел Евсеев, ссутулившись над тетрадью. Он обернулся к Скутельнику и шепнул: «Дело есть».

Темой занятий были дизезы, бемоли и бекары, а также ключевые и не ключевые знаки альтерации. Венедикт легко усваивал несложный материал. Опыт конспектирования в институте здесь давал ему время понаблюдать за «учащимися». Большинству из них учение давалось непросто. Напряженные лица, усердное сопение над тетрадками. Зачем они себя мучают? Венедикт поймал себя на мысли, что, возможно, зря теряет время, и что вполне вероятно выглядит в общей массе так же нелепо, как все здесь присутствующие. Интересно, подумал он, можно ли назвать нелепостью стремление воплотить в жизнь мечту, пусть и не всей жизни.

По окончании урока Елена Валерьевна предложила Венедикту позаниматься дополнительно, чтобы нагнать пропущенный с начала года материал.

– Мы можем сделать это у меня дома, – сказала она. Ее ноздри хищно раздувались.

На выручку пришел завхоз Евсеев.

– Нам пора на хор, – сказал он, увлекая за собой Скутельника. Елена Валерьевна недовольно фыркнула.

В концертном зале они уселись на стулья во втором ряду, отведенные для баритонов.

– Намечается поездка в Румынию по обмену культурными связями, – сообщил Евсеев. – Берут сотрудников Дома работников просвещения и членов их семей. Культурный обмен это так – прикрытия. Народ повезут торговать барахлом на рынке.

– У меня нет загранпаспорта.

– Он и не нужен. Граждане с молдавской пропиской пропускаются румынской таможней беспрепятственно. Мы же вроде как братские народы. Делаем первые шаги к объединению.

– Мне везти нечего, и торговать я не умею, – возразил Венедикт.

– Торговать много ума не надо, стой себе за прилавком. Румыны сами к тебе подойдут и все, что им надо, купят. У них там голяк. С товарами народного потребления большие проблемы. Вот и поможем братскому народу. Насчет товара не беспокойся – в ход идут хлопчатобумажные изделия: носки, трусы, майки, ситцевые халаты, ношенные вещи, в общем, все, что под руку подвернется. Дома есть какая-нибудь старая техника? Ну, там, швейная машинка – наследство от прабабушки или дедовские кальсоны – подарок Будённого?

– Есть стиральная машинка со сломанной центрифугой.

– Центрифугу отремонтируем.

– Пробовали – не получается.

– Юрий, наш спортсмен-гитарист, отремонтирует – будь спок, – Евсеев похлопал товарища по коленке. – Золотые ру-

ки. В прошлом месяце поругался он с нашей директрисой Натальей Игоревной. Она под кладовку отобрала у Юры коморку, где он с учениками занимался. Пришлось ему с баянистами ютиться в одном помещении. Обиделся Юра, затаился. И вот спустя некоторое время в кабинете директрисы гаснет свет. Электрика с собаками не сыскать, где-то запил, а свет сейчас нужен. Делать нечего – позвали Юру, знают – он умеет. Так он им так отремонтировал – залюбуешься! Дверь открывается – свет горит. Закрывается – гаснет. Нормально, да? Только работать Наталье Игоревне пришлось с открытой дверью. Совещания, переговоры – значительное неудобство. Зовут Юру, а он на «больничный» сел. Зовут электрика. Тот крутил, мутил – ничего поделать не смог. Специалистов со стороны вызывали. Хоть убей: открываешь дверь – горит, закрываешь – гаснет. Едва ли не всю проводку повыдергивали. Не могут понять, как Юра это сделал. Наталья Игоревна в сердцах увольнением грозила. Юра отвечает – увольняйте, что я себе работу не найду. Упрямый – чёрт. А свет не горит как надо. Директриса баба не злобливая, остыла, потолковала с Юрой по-хорошему. Вернула комнатку. Теперь у неё освещение в норме. Такие дела! Для братьев-румын мы и трусов с носками навезем, и центрифуги отремонтируем.

С появлением Тамары Петровны разговоры прекратились. Шею завуча украшали чешская бижутерия – бусы из красных пластмассовых шаров. Мелкими шажками в красных туфлях она вышла на дирижерское место и встала у пу-

питра перед раскрытыми нотами. Из-под тонального крема и густого слоя пудры на её ухоженном лице пробивался легкий румянец. Глаза лучились радостью, подбородок с ямочкой приподнят. Она обвела присутствующих взглядом и торжественно произнесла:

– Приветствую вас!

Веня почувствовал, как у него краснеют уши, а следом и лицо, потому что, здороваясь, Тамара Петровна задержала взгляд на нем, и он не сомневался, что приветствие адресовано ему в первую очередь. Покраснел Веня не от смущения, как с удовлетворением отметила многоопытная шахматистка, а от удовольствия. Мысль о том, что его принимают за юнца, млеющего от одного женского взгляда, забавляла Скутельника. Он презирал зрелых дамочек, берущихся из скуки играть роль Джульетты, не имея актерского дарования. Но еще больше Венедикта возмущал эгоизм экзальтированных особ, страстно жаждущих получать чувственные удовольствия, ничего не давая взамен. Хочешь получать – умеешь отдавать. Лень? Мастурбируй с фал-имитатором в ванной комнате или донимай в постели злобными придирадками сонного мужа.

От мимолетных размышлений на вечную тему любви Скутельника отвлек оклик завуча:

– Венедикт, вернитесь к нам, мы вас потеряли.

Начинающий хорист уставился в ноты Евсеева.

– Вы можете пока не петь, – предложила Тамара Петров-

на, – слушайте, изучайте свою партитуру.

Венедикт кивнул. Следующие четверть часа он старательно запоминал баритоновые партии. Это оказалось несложно. К концу занятия он затыкнул вместе со всеми украинскую народную песню. Можно было, и сплясать, но это не входило в репертуар.

Завхоз Евсеев уловил «приподнятое» настроение «коллеги», и от этого его собственное настроение значительно улучшилось. Он шепнул:

– Предлагаю после репетиции проследовать в мой рабочий кабинет. Все необходимое для «домашней работы» подготовлено, – завхоз оттопырил мизинец и большой палец правой руки.

– Всегда готов, – Венедикт салютовал как пионер – правая ладонь вверх на уровне лба. Получилось громко. Хористы обернулись на Скутельника. В тексте песни таких слов не значилось.

Тамара Петровна заметила с иронией:

– Да, это от души.

Она объявила об окончании занятия и попросила всех ненадолго задержаться.

– В преддверии ноябрьских праздников мы обычно проводим «капустники». Все готовят какой-нибудь номер. Можно петь, танцевать, читать стихи, декламировать, показывать фокусы, разыгрывать сценки и так далее, – сообщила завуч.

– Алло, мы ищем таланты, – вставил «тракторист» Иван

Тимофеевич. Сложив в «замок» свои огромные красные руки и зажав их между коленей, он как ребенок осклабился собственной шутке.

– Именно, – ответила Тамара Петровна. – Все свободны! Уже в коридоре завуч обратилась к Скутелнику:

– Чем вы намерены порадовать нас на «капустнике»?

Веня пожал плечами:

– Не наблюдал за собой особых талантов. В детстве на канулах у бабушки в Александрове неплохо катался на коньках.

– Думаю, здесь это не пригодится.

– Лыжи и подледный лов рыбы тоже отпадают. Остается музицирование одним пальцем «собачьего вальса» или скамейка запасного.

– Напишите какую-нибудь юмореску, – предложила Тамара Петровна.

– Я не пробовал, получится ли?

– Придумайте или возьмите из жизни. Рафаил Данилович может отредактировать текст, если понадобится.

– Живопись, музыка, литература – да я гений! – воскликнул Скутельник.

– Гениев и завучей прошу пройти в мои апартаменты, – раздался голос завхоза Евсеева.

– Очередной день рождения у Лучано Паваротти? – подковырнула Тамара Петровна.

– Производственное совещание...

– Эти совещания погубят вашу печень, Анатолий, и угробят наше здоровье.

– Стаканчик красного сухого вина рекомендован врачами в целях профилактики лучевой болезни, – гостеприимный завхоз открыл двери своего кабинета перед Тамарой Петровной и Венедиктом.

– Потребляемое вами количество спиртного делает бесполезным ядерное оружие, – заявила Тамара Петровна, проходя к столу, сервировка которого немногим отличалась от той, что помнил Скутельник в день их последнего «совещания». На своих местах сидели две Елены и Юрий. Елена Валерьевна в своем неизменном бардовом «котелке».

Обошлось без танцев и игры в шахматы. Все живо обсуждали будущий текст Венедикта.

– Да с чего вы решили, что я писатель? – отпирался Скутельник.

– Талантливые люди талантливы во всем, – ответил ему Евсеев. – Я слышал, как ты играешь гаммы! Боже, какие это гаммы!! Поиграй нам, Венедикт! А как расписаны стены городской библиотеки?! Никто не видел эту роспись? Я тоже не видел! Но тем она и прекрасна. Боже, какая это роспись! Так что не ломайтесь, Венедикт, а берите орудие труда писателя и за дело, – завхоз подал ему полный стакан вина.

Дождавшись, когда «коллеги» выпьют и закусят, неумный Евсеев положил на стол лист бумаги и шариковую ручку. Отпуская шуточки, все принялись диктовать коллектив-

ное сочинение. Из общего гомона постепенно обрисовались место действия – дом работников просвещения, время – текущий год и сюжет. Главной героиней сделали Тамару Петровну и ее красные бусы, народные массы – хористы, которым по сюжету надлежало подготовиться к «бразильскому» карнавалу и в национальных костюмах проехать на русской тройке с бубенцами мимо памятника Штефану чел Маре в центре города. Там их встречают хлебом – солью молдавские националисты. Сатира отдавала горечью суровой действительности.

Веня помнил, как в августе возвращался из гостей домой. Троллейбус встал за три квартала от здания МВД на проспекте Ленина, и водитель объявил, что дальше не поедет. Венедикт не спешил выходить. Он смотрел из окна на проходящую мимо толпу. В руках у демонстрантов мелькали палки и кирпичи. Мимо проплывали рожи, их нельзя было назвать лицами – рожи, одержимые массовым психозом. Над головами плакаты: «Русские вон из Молдовы!», «Молдова для молдаван». Глаза сорокалетнего верзилы с нечёсанными всклокоченными патлами смолянистого цвета выражали общее настроение – шизофрения. Животный инстинкт – идти и крушить. Спроси в толпе любого, что тебе сделал тот, кого ты идешь избивать, и он тупо смотрел бы в пространство, продолжая мычать, как заклинание: «Русские вон из Молдовы!»

Веню потрясло, с какой решимостью и тупым упрямством

идут эти люди за своими «интеллигентными» вожаками и их нехитрыми тезисами: «Выгони русского из его квартиры, и она станет твоей!» «Русский живет лучше, потому что ты – хуже. Отними у русского все, что принадлежит тебе потому, что это твоё!» На волне народного самосознания, на пути к национальному самоопределению юродивые поэтессы и бездарные публицисты выдвигали лозунги один страшнее другого: «Сжигайте русских детей!» «Мойте улицы русской кровью!» Непостижимо не то, что дозволялся открытый призыв к геноциду, и никто за это не нес ответственности, а та разнузданность и одержимость с какой подхватывалась бесовская ересь. Веня смотрел из окна троллейбуса, раздавленный и потрясенный открытием. Ни века, ни тысячелетия, ни рождения и исчезновения цивилизаций ничего не меняли. Животное начало – вот суть человека, его начало и его конец. Извечная борьба добра и зла – миф. Ничего этого нет. Сколько вокруг умных, образованных, думающих людей. Сколько ИХ было, есть и будет, а оголтелая толпа, как и тысячи лет назад, топала и топает по земле с улюлюканьями и звериной ненавистью к ближнему. Для чего ВСЁ СУЩЕЕ с его рождениями и смертями, страстями, победами, разочарованиями и верой, если из века в век приходит толпа с палками и кирпичами, и бредет, бредет в беспросветный мрак невежества, так, будто позади не было длинного и жуткого в своей непредсказуемости пути из тьмы к свету.

Венедикт наблюдал, как разгоряченные спиртным демон-

странты забрасывали кирпичами зарешеченные окна серого здания МВД. Слышался звон битого стекла. Милиция отбивала наскоки хулиганов, разгоняла, рассеивала. Люди группами и по одному разбегались, кто куда, прятались в подворотнях и переулках. Их догоняли и выворачивали руки. У кого ладони испачканы кирпичом, тех «рихтовали» дубинками и ногами.

Веня отодвинул исписанный лист бумаги в сторону:

– Закончу позже, в более подходящей обстановке, – сказал он.

Дома он уселся за письменный стол в своей комнате. Пешая прогулка проветрила мозги. В школе, в институте и в армии ему случалось оформлять стенгазеты. Веня отредактировал коллективное сочинение и улегся спать.

На следующий день в перерыве между сольфеджио и музыкальной литературой он попросил Рафаила Даниловича «посмотреть» юмореску. Водрузив квадратные очки на свой благородный прямой нос, заместитель главного редактора главной республиканской газеты углубился в чтение. Читал он профессионально быстро и рассмеялся с чувством и громко.

Он отложил рукопись на парту и снял очки, утирая глаза от выступивших слез:

– Смело и талантливо, – заявил тенор. – Смело, ибо в сложившейся напряженной обстановке межнациональных распрей подобная сатира может принести её автору кучу непри-

ятностей. Талантливо, потому что не скучно, а не скучно, потому что талантливо. Вы не пробовали писать статьи для «большой» прессы?

– Нет. Мой уровень – злостные прогульщики и свирепые «деды».

– Ну, ну, не скромничайте. Я слышал, вы историк по образованию. Вот и написали бы что-нибудь для нашей газеты. Что-нибудь эдакое, забористое!

– Например?

– Например, – Рафаил Данилович секунду подумал, – на историческую тему. Взять хотя бы времена Стефана третьего Великого или на местном диалекте – Штефана чел Маре. Посидите в библиотеке, поищите в биографии этого господаря что-нибудь необычное. Наверняка найдутся белые пятна, которые можно обыграть. Фигура действительно достойная уважения потомков. К тому же известно, что свою дочь Елену Волошанскую он отдал замуж за Ивана Ивановича, младшего сына русского царя Ивана третьего. Кстати, факт достойный внимания, так сказать на злобу дня. Не все разделяют антирусские настроения, раздуваемые лидерами «народного фронта». И напоминания о традиционной дружеской и в какой-то степени кровной связи между двумя народами могут оказаться весьма полезными.

Вспомните Дюма и его «Трех мушкетеров». Ведь и мушкетеры и подвески – все вымысел, а как правдоподобно «звучит» на фоне реальных исторических персонажей. Подумай-

те. А я со своей стороны посодействую продвижению вашей статьи, если она получится стоящей.

На уроке музыкальной литературы вместо того, чтобы слушать о творчестве Монтеверди, Скарлатти, Люлли, Рамо и Глюка Скутельник обдумывал разговор с Рафаилом Даниловичем. В состоянии глубокой задумчивости его обнаружила в опустевшем классе Тамара Петровна.

– Чапай думает? – сказала она.

Скутельник включился в действительность.

– Рафаил Данилович интересную мыслишку закинул. Вот решаю, стоит ли браться.

– Он вас очень хвалил. Его «мыслишки» дорогого стоят. Не поделитесь? – Тамара Петровна подседа рядом.

– Он предложил написать статью на историческую тему.

– Ваш профиль. И что вы решили?

– Пока ничего определенного.

– Не знаю, как напишите вы, но я, как обыватель, не стала бы читать скучное изложение голых фактов. Материал должен подаваться живо и интересно.

– Даже диссертация?

– Надеюсь, вы не собираетесь разворачивать на страницах периодической печати нудные диспуты, опровергая устоявшиеся истины? Людям хочется праздника. Отчего, вы думаете, столько народа втянулось в движение за независимость республики? От того, что нынешняя власть превратила их жизнь в беспросветные серые будни. Идеи коммунизма ока-

зались фикцией. Если на пути к нему смертная скука, то можно себе представить, ЧТО ожидало нас на финише. Все равны, все строим, всем по потребностям и по возможностям. Никакой романтики, сплошное унифицированное благополучие. Нет ничего печальнее общества, где все как один счастливы единым счастьем, в какую бы оболочку это счастье ни завернули. Как определить, счастлив ли человек или нет, если ему не с чем сравнить, ведь несчастных рядом нет. Вот народ и потянулся за «буйными вожаками». С ними не так скучно. Напишите, Венедикт, что-нибудь веселенькое, на потребу обывателя. Не очень заумно, но и не упрощая до глупости, чтобы, прочитав вашу статью, человек не чувствовал себя олухом, а понял все, что до него пытались донести. Тогда он сам себя зауважает и полюбит автора, написавшего «умную» и, главное, интересную статью.

– За совет – спасибо. Наверное, вы правы. А вот насчет демонстраций на улицах в поисках праздника и как средство от скуки мне кажется, вы утрируете, – возразил Венедикт.

– Я не настаиваю. Сегодня я думаю так, завтра иначе. Слова не имеет особого значения. Главное не то, что говоришь, а что делаешь. Верно?

– Согласен.

– Кстати, вы занимаетесь? – сменила тему разговора завулч. – Завтра у вас урок, помните?

– Времени не было.

– Понимаю, – в голосе Тамары Петровны зазвучала иро-

ния, – новые впечатления, новые знакомые и их тлетворное влияние мешают вам духовно развиваться. Надеюсь, вы не забыли, где мы находимся? В доме работников просвещения. Так что просвещайтесь, Венедикт. Класс свободен, вы можете позаниматься. Если хотите я вас подожду, и мы вместе отправимся домой.

После занятий они снова брели по аллеям парка. Ветер порывами невысоко поднимал сухие листья над асфальтированной дорожкой. Закручивая хороводы, листья пролетали не больше полуметра, падали и замирали, чтобы через секунду снова пуститься наперегонки.

– Мне показалось, вы как-то недоброжелательно посмотрели на меня, на хоре, помните? – сказала Тамара Петровна. В интонации ее голоса, обычно ироничной, Венедикт уловил грусть. Он ощутил приятный холодок в груди. Его почувствовали, угадали настроение. Он с любопытством посмотрел на Тамару Петровну.

– Вас не проведешь, – ответил он. – Я не предполагал, что вы так глубоко видите людей.

– Поэтому, наверное, подумали обо мне что-нибудь нехорошее, признайтесь.

– Честно?

– Разумеется.

Венедикт, вдруг отчетливо понял, что с появлением этой женщины в его жизни что-то неуловимо изменилось к лучшему. Ему было интересно с Тамарой Петровной, он чув-

ствовал ее и знал, что любое произнесенное им слово будет понято правильно, что ему не придется объяснять или уточнять смысл сказанного. Венедикт считал, что люди рождаются с уже готовой внутренней конструкцией мировосприятия. Они словно приемники настроены на определенную частоту. У одних диапазон восприятия шире, у других уже. Частота эта никогда не меняется, она дана от рождения. Потому люди, у которых частоты совпадают, не зависимо от возраста и пола, либо сразу слышат и понимают друг друга, либо «не видят друг друга в упор» даже если встанут нос к носу. Винить их не за что. У них разные диапазоны. Проблемы «отцов и детей» – это не стена времени, а разница диапазонов «передатчиков» и «приемников». В отношениях мужчин и женщин происходит то же. Поймал волну или поймали твою – обоюдная симпатия. Нет, проходишь мимо, и сердце молчит.

– Я подумал, что вы от скуки решили мною заняться. Старейший муж, смена впечатлений и все такое.

В лицо Тамары Петровны бросило жаром. К ее счастью фонарь, освещавший аллею, остался за спиной. В полумраке Венедикт не мог разглядеть ее лица, вмиг ставшего пунцово-красным.

– М-да, – только и смогла проговорить женщина, – правдивый мальчик.

Скутельник ошеломил Тамару Петровну горькой правдой, в которой она сама себе боялась признаться. Можно ли объ-

яснить молодому человеку, не обремененному семейными обязательствами, как порой страшит мысль о минувшей молодости и наполовину прожитой жизни. И что ты не интересна мужу, а его глупые фантазии о богатстве жалки и раздражают. Что впереди унылые будни «как у всех». А душа, словно в юности, жаждет полёта. Но из года в год перья у крыльев облетают, как вот эта листва, что шуршит под ногами. Старинные знакомые превращаются в скучных стариков. Встречаться с ними пропадает желание, потому что именно они, твои старые приятели, невольно и беспощадно напоминают, в какую старую калошу превращаешься ты.

Эликсир молодости, вожденная мечта шизофреников и шарлатанов, не питье натошак и не растирание больных органов перед сном, а сама молодость. Кто молод, у того этого эликсира в избытке. Попробовать его можно только прикоснувшись к сосуду. И чем жарче прикосновение, тем обманчивее иллюзия вернувшейся молодости. Увядающие женщины и стареющие мужчины, не разврат тянет их к молодым сочным телам, энергии и искрометному беззаботному смеху, а желание хотя бы прикоснуться, если уже не суждено испить, к источнику жизни. Всего этого не смогла бы объяснить Тамара Петровна Венедикту. Поэтому сказала:

– Вы либо очень глупы, либо очень жестоки.

Она ускорила шаг. Ей стало обидно за украденный праздник. Ожидание новых впечатлений, внимание молодого мужчины разнообразило ее жизнь. Рядом с Веней она забы-

вала, что он ее ученик, а она его педагог. Точнее, она помнила об этом всегда, но поднимала планку их отношений несколько выше. Она видела в парне потенциал, ее занимали живость его ума, стремление все познать и ухватить сразу, навалом. Хотелось подсказать, досмотреть, куда приведет его неумная кривая. Мир рядом с ним из пресной заводи преобразался в закипающий событиями водоём. И вдруг так обыденно – «кто хочет комиссарского тела?»

Веня догнал Тамару Петровну и взял под локоть.

– Мне ужасно неудобно, – забормотал он, – я слишком о себе возомнил. Извините мою грубость! Прошу вас!

Ей было приятно чувствовать его сильную руку, которая крепко и одновременно осторожно удерживала ее.

– Какой вы нудный, – сказала она со специально наигранным упреком. Глаза и губы ее улыбались. Веня улыбнулся в ответ.

– Дружба? – спросил он.

– Предлагаю по этому поводу выпить шампанского.

– Муж как всегда в Италии, а сын у бабушки?!

– Разумеется.

Из колонок под потолком тихо звучала «Весна» Вивальди. Венедикт расположился в кресле, откинувшись на спинку. Приглушённый свет, откупоренная бутылка шампанского на столе, дорожка мелких пузырьков со дна к поверхности. Рядом с бутылкой пробка в фольге, два наполненных бокала на высоких ножках и поломанная квадратиками плитка шоко-

лада в блюде. Тамара Петровна на софе, вытянув ноги и положив одну на другую, молча слушала музыку. Венедикт не чувствовал неудобства от затянувшейся паузы. Люди столько времени тратят на разговоры, что порой для взаимопонимания полезно помолчать.

– Расскажите что-нибудь хорошее, – попросила Тамара Петровна.

– Например.

– Например, чего вы хотите от жизни.

– Слова не имеют значения. Сегодня я хочу одно, завтра другое.

– Вы явочка. Не упустите случая поддеть.

Веня подумал.

– Моя идея – это утопия, – заговорил он. – На ее реализацию потребуется вся жизнь и не факт, что мне она под силу. Если кратко, то замысел в том, чтобы один человек, написав роман, снял по нему кинокартину, где явился бы режиссером и оператором, композитором и при помощи технических новинок сумел бы передать запахи, объём, всё то, что мы ощущаем, но не умеем пересказать, отобразить. Мы читаем книгу, и только воображение помогает нам увидеть то, что пытается донести до нас автор. Слушаем музыку, в ней эмоции, но полное отсутствие четких образов. В живописи замысел зафиксирован в чётких образах, и порой подолгу простаиваешь у полотна, представляя, как могло быть мгновение назад, и как бы развивался сюжет, если бы карти-

на ожила. В кинематографе зримые образы, но их внутренний мир нужно дополнять мимикой, настроение музыкой и не всегда она соответствует замыслу режиссера. А какое место в жизни человека занимают запахи. Например, на экране обширное до кромки леса зеленое поле с полевыми цветами. Слышен посвист птиц, стрекот насекомых, но запахи и ветерок в лицо – это уже приходится додумывать зрителю. Если бы один человек мог совместить все умения, о которых я говорю...

– Теоретически всё возможно. Появление на свет такого человека в том числе. Но практически...

– Почему нет? Умел же Бородин заниматься химией и сочинять музыку. Химики сожалели о том, что он транжирит время на музыку, а музыканты не понимали, зачем ему химия. История знает массу примеров, когда люди успешны в нескольких областях искусства и науки. Следовательно, моя идея не так уж безнадёжна.

– Для ее реализации нужно совсем немного, – Тамара Петровна приготовилась загибать пальцы, – окончить музыкальную школу, музыкальное училище и консерваторию. Поступить во ВГИК, научиться режиссерскому ремеслу, выучиться на оператора. Ко всему не мешало бы закончить технический вуз, чтобы изобрести агрегат, способный искусственным путем воспроизводить запахи, и научиться создавать объем. К тому же к таланту писателя и сценариста надобно знание и умение, а на это также потребуется время. Но даже

если вы пожертвуете большую часть своей жизни на реализацию задуманного, овладеете всеми тонкостями вышеперечисленных профессий, вам ко всем открывшимся в вас талантам и полученным знаниям потребуется деньги. Без них не реализуется ни один проект. Замечу, что уровень вашей подготовки должен быть на высоте гениальности, потому что по замыслу вам необходимо предложить человечеству первостатейный «продукт», а не полуфабрикат кустаря-одиночки, если не хотите быть освистанным и осмеянным. – Тамара Петровна закурила, – к сожалению одному человеку не под силу создать то, о чем вы говорите. Музыкант может овладеть несколькими инструментами, но специализироваться будет на одном. Поэтому люди собираются в оркестры. В вашем случае нужна команда. Команда талантливых людей, чтобы создать коллективный шедевр. А лично вам, Венедикт, следует определить, чем в этой команде будете заниматься непосредственно **ВЫ**.

Скутельник грустно вздохнул:

– Финансировать, если не дано создавать, – сказал он.

– Опуститесь на землю, Венедикт. Сейчас вы мне напомнили моего мужа. Он не заметил, как из юного мечтателя превратился в великовозрастного глупца. Вы не «пустышка» и возможно в чем-то талантливы. Время для поиска у вас еще есть. Ищите себя, но не разменивайтесь на утопии. Раскрепоститесь. Вы очень скованны. Бойтесь ошибок. Это мешает движению.

– Движению куда? – Скутельник раздраженно крутил фу-
жер вокруг своей оси. Он злился, чувствуя себя мальчишкой
и прожектёром. Ему показалось, что за последние пять ми-
нут он повзрослел на несколько лет.

– Куда угодно! Вперед, назад, вверх, вниз, в сторону, впра-
во, влево. Движению мысли, наконец. И не надо злиться. Вам
это не идет. У вас становятся тонкими губы, и заостряется
нос.

– Предлагаю выпить за вас, – заявил Венедикт.

– Согласна, – Тамара Петровна легонько ударила хру-
стальным фужером о фужер Скутельника. По комнате по-
плыл нота «ля». – За что такая честь?

– Вы мой поводырь в беспросветном мраке сомнений. Чем
меньше во мне останется иллюзий, тем быстрее я полысею,
растолстею и упрусь лбом в тупик разочарований.

– Да вы законченный оптимист!

Венедикт выпил шампанское залпом. В голове зашумело.
Он подлил вина Тамаре Петровне и себе.

– Вношу ещё одно предложение.

– Вся внимание.

– Выпьем на брудершафт.

Брови Тамары Петровны приподнялись и сложились до-
миком.

– В связи с чем? – осведомилась она.

– Раскрепощаюсь, следуя совету друзей.

– Я всегда говорила, что алкоголизм освежает голову и

обостряет мысль, – Тамара Петровна подняла подбородок и секунду смотрела на Венедикта в замешательстве. – Хорошо, будь, по-вашему. Просьба гостя – закон для хозяина. Но при одном условии. На работе мы на «вы».

– По рукам. – Скутельник легонько пожал пальцы Федосян.

Они встали, сплели руки и, осушив фужеры, поцеловались, как целуются любящие родственники при встрече на вокзале – смачно и непродолжительно. Тамара Петровна отодвинулась от Венедикта.

– На сегодня достаточно, – сказала она. – Вам... Тебе пора.

Венедикт сделал движение, чтобы обнять женщину, но она отстранила его руки.

– Тебе пора, – повторила она тоном преподавателя, окончившего урок.

Ударивший было в голову Венедикту хмель, рассеялся. Скутельник глубоко вдохнул и выдохнул. Не теряя чувство меры, сказал он себе и, поблагодарив за «прекрасный вечер», ретировался.

Ночь он ворочался без сна. Из головы не шёл разговор с Рафаилом Даниловичем. Идея написать статью о временах Штефана чел Маре и увязать прошлое и настоящее будоражила ум Вени. Он встал с постели, зажег настольную лампу и взял с книжной полки том «Русской истории в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» Николая Костомарова. Отыс-

кал времена правления Ивана третьего Васильевича, сына Василия Тёмного, и углубился в чтение. Скупые строки о Елене дочери молдавского господаря Стефана, который выдал ее за сына Ивана третьего Ивана-молодого, сильнее раззадорили Веню. Он снял с полки книгу по истории Молдавии. К утру письменный стол был обложен книгами с закладками между страниц. Сам Веня, склонившись над общей тетрадь, быстрой рукой делал выписки, больше походившие на китайские иероглифы. Шариковая ручка едва поспевала за стремительной мыслью Скутельника. К семи утра, времени, когда Венедикт обычно просыпался, основная концепция будущей статьи сформировалась. Заключалась она в следующем.

Штефан чел Маре ши Сфынт, сын Богдана второго из династии Мушаты, правил государством сорок семь лет и ушел из жизни от болевого шока во время процедуры прижигания старых ран. Но прославился он, конечно же, не этим, а мудрым управлением страной и умелым противодействием врагам, внутренним и внешним. В двадцатом веке, когда Молдавия отрезана от моря со всех сторон, трудно себе представить, что Штефан имел собственный флот, который бороздил просторы Черного и Средиземного морей. История умалчивает о размерах этого флота, и где он базировался – в Килии в устье Дуная или в Четатя Алба (ныне Белгород – Днестровский), но факт, что суда Штефана посещали Геную и Венецию, подтвержден историками. Это были торго-

вые корабли.

Именно на них во второй половине пятнадцатого столетия купцы привезли и вручили Великому господарю «чудо», повлиявшее на ход истории Валахии, Трансильвании и Молдавии. «Чудо» было приобретено в Генуе мелкопоместным боярином и купцом по совместительству Богданом Никулеску у норвежского капитана Эрика Храброго, который именовал себя потомком Торвальда Эрикссона, брата знаменитого Лейфа Эрикссона, посетившего Америку за пятьсот лет до Христофора Колумба.

Богдану Никулеску попала в руки удивительная вещь – череп, выполненный из горного хрусталя. Череп завораживал совершенством линий и полным отсутствием следов ручной работы: ни сколов, ни шлифовки, ни прикосновения резца, так будто принадлежал он некогда живому существу неземного происхождения. На свету, по мере передвижения солнца по небесному своду, череп менял цвет, становясь, то нежно-розовым, как перо фламинго, то голубоватым, то отливал золотом. Чем выше поднималось солнце, тем ярче загорались глазные впадины. Их свет становился нестерпимым для зрительного восприятия. Сияние над черепом, приводило смотрящих на него моряков в благоговейный трепет.

Эрик Храбрый рассказал купцу Никулеску историю хрустального черепа.

В стародавние времена доблестный и бесстрашный Лейф Эрикссон по прозвищу Счастливый, сын викинга Эрика Ры-

жего, первооткрывателя Гренландии, встретил бывалого морехода Бьярни Херьюльфсона, который рассказал, будто видел очертания земли на западе и даже намеревался доплыть и перезимовать на ней, но передумал, потому что оказался в тех краях случайно, сбившись с пути. А путь его лежал к престарелым родителям в Гренландию, куда Бьярни направил свой драккер. Рассказ Бьярни заинтересовал Лейфа Эриксона. Он купил у морехода его корабль и предложил отправиться к новым землям с ним и его командой, но Херьюльфсон отказался. В предстоящей экспедиции, полной опасностей и неожиданностей, больной старик не захотел оказаться обузой.

Лейф и его люди достигли неизвестного континента и дали название первому виденному ими региону Хеллуланд (ныне Баффинова Земля), затем обогнули полуостров Марк-ланд (Лабрадор) и, продолжив исследование, высадились на побережье, где обнаружили огромное количество виноградных лоз, отчего и назвали место – Винланд (Ньюфаундленд).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.